

ЦИКЛ «СМЕРТЕЛЬНОГО РИТУАЛА ЕЩЁ НАДО ДОБИТЬСЯ»

ШАНСЫ НА СМЕРТЬ 1 К 1000

DARK RAVEN

Raven Dark

**Шансы на смерть 1 к 1000.
Смертельного ритуала
еще надо добиться_02**

«Автор»

2026

Dark R.

Шансы на смерть 1 к 1000. Смертельного ритуала еще надо добиться_02 / R. Dark — «Автор», 2026

История где читатель САМ выбирает с каким из 7 мужчин закончить эту историю. Семьдесят экземпляров подпольной газеты в кармане плаща вчера казались Кайле злыми, а сегодня — осторожными до трусости. В мире, где элита торгует вероятностями, а низшие слои молятся на жеребьевку, смерть её сестры превратили в статистику и красивое зрелище для публики в трактирах. Кайла Одэн входит в закрытый мир Академии Дер-Сон, где у каждого свои секреты, а воздух будто наэлектризован как перед грозой. Она готова собирать правду по крупицам, расследуя истории где участник погиб не потому, что оказался слабее испытания. Но Академия не прощает чужаков. Кайла привлекает внимание 7 мужчин у которого есть собственный ключ для этой истории. Кого же она выберет? Властного? Страстного? Расчетливого? Хитрого? Надежного? Романтичного или самого родного из всех? У информации каждого из них есть своя цена, но перед тем как начать — попробуй понять сколько стоит твоя. Один победитель. Тысяча способов умереть.

© Dark R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Пролог	8
Глава 1	12
Дом с серебряной дверью	12
Глава 2	29
Операция «Поступление»	29
Глава 3	50
Самый безопасный факультет	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Raven Dark
Шансы на смерть 1 к 1000. Смертельного
ритуала еще надо добиться_02

Пролог

Несколько слов от автора

Наверняка вам знакомо это чувство: читаешь книгу, влюбляешься в одного из героев — а главная героиня в итоге выбирает совсем другого. Поэтому в этой истории выбирать будете — вы.

Первые девять глав познакомят вас с миром книги, её героями и общим сюжетом. А начиная с десятой главы история разделится на самостоятельные ветки.

Один сюжет. Шесть героев. Семь вариантов развития событий. Семь разных финалов.

Это не одна и та же история с подменёнными именами. У каждого героя будет собственная линия отношений, свои сцены, конфликты, поступки и концовка.

Вам останется только решить, за кем вы готовы последовать дальше.

Выберите свою историю

Сложные отношения и много стекла Если вам нравится напряжение, от которого сводит нервы, — эта ветка для вас.

От врагов к возлюбленным Острые диалоги, столкновение характеров и чувства, которые оба слишком долго будут отрицать.

Тот, на кого можно положиться Спокойствие, надёжность и человек, который останется рядом, когда всё начнёт рушиться.

Лёгкость и юмор Живые перепалки, нелепые ситуации и отношения, в которых можно наконец выдохнуть.

Преданный защитник Герой, который однажды выбрал вас — и больше не отступит.

Почтовая романтика Ожидание, редкие встречи и чувственные письма, в которых порой можно сказать гораздо больше, чем вслух.

Без романтической линии Для тех, кому интереснее тайны Академии, опасные испытания и главное расследование с братом.

Вы сможете читать только ветку своего фаворита или открыть остальные версии и узнать, насколько по-разному могла сложиться одна судьба.

Что будет на Boosty

Там будут выходить продолжения отдельных веток, а также дополнительные материалы:

- Фотокарточки героев;
- Фан-сервис с выбранным персонажем;
- Мини-истории и сцены, не вошедшие в основную книгу;
- Дополнительные эпизоды с другими героями.
- Услуга заказа на какое-то конкретное изображение по вашему требованию с фаворитом & главной героиней либо с фаворитом & вами.

Каждая подписка помогает мне продолжать эту большую историю и уделять полноценное внимание всем сюжетным веткам.

Выбирайте своего фаворита — и переходите к его истории на Boosty “Dark Raven”.

Пролог

В таверне «У кривого фонаря» было душно даже возле распахнутых окон. Пахло кислым пивом, жареным луком, мокрой шерстью и раскалённым металлом от передающего шара, установленного посреди длинного общего стола. Обычно хозяин держал его под стойкой и доставал только по праздникам или во время королевских обращений, но сегодняшний день обещал принести больше денег, чем любой праздник. Третий этап Отбора начинался раз в год, и даже люди, публично называвшие происходящее варварством, старались занять место поближе к изображению.

Посетители сидели так плотно, что локти упирались в чужие бока, однако почти не разговаривали. Кузнец в прожжённом фартуке сжимал кружку обеими руками, рядом с ним портючая грузчица пересчитывала оставшиеся монеты, а двое торговцев у стены вполголоса спорили, стоит ли доплачивать за звук. Над шаром висела полупрозрачная медная надпись: «Общий обзор. Третий уровень доступа». Лица участников на нём различались плохо, личные задания не показывали, а изображение с внутренних маршрутов поступало с задержкой, зато один медяк позволял смотреть до конца этапа. За серебро можно было выбрать факультет, за золото — конкретного кандидата. Самые дорогие фрагменты продавались отдельно, и торги за них начинались уже после первой крови.

— Я заплатил за звук, — напомнил худой мужчина в форменной куртке почтовой службы. — Почему мы ничего не слышим?

Маг, приставленный к шару, не отрывал взгляда от медных колец настройки. Его пальцы были унижены тонкими проводниками, а на висках блестел пот.

— Потому что вы заплатили за общий звук. Хотите слышать участников — собирайте ещё шесть серебряных.

По столу пошёл недовольный гул. Хозяин таверны взял пустую миску и двинулся вдоль лавок, привычно вытряхивая монеты даже из тех, кто уверял, что больше не даст ни гроша. Когда нужная сумма набралась, маг сдвинул два кольца, и над столом пронёсся резкий треск. Следом пришли голоса распорядителей, шелест ткани и далёкий металлический скрежет.

Изображение показывало Алый зал Академии Дер-Сон. Двадцать восемь участников стояли перед семью высокими воротами — по числу боевых факультетов. Вместо привычных знаков различия на их лицах были закреплены чёрные полупрозрачные украшения: тонкая ткань закрывала лоб, переносицу и нижнюю половину лица, а по краям тянулись нити с металлическими пластинами. На каждой пластине горел номер. При движении они тихо звенели и ловили свет так хорошо, что даже дешёвая трансляция различала поворот головы и дрожь подбородка.

Имена на третьем этапе больше не объявляли. Зрителям предлагались номера, факультеты и коэффициенты ставок.

— Чёрная дрянь на лицах зачем? — спросил кузнец, подавшись ближе к шару.

— Чтобы камеры не теряли кандидатов, — ответил маг. — Пластины связаны с передающим контуром. Ещё скрывают выражение лица и мешают боковому зрению.

— Зачем мешают?

Маг наконец посмотрел на него.

— Потому что без этого недостаточно интересно.

В центре зала появился распорядитель в тёмно-красной мантии, расшитой золотыми знаками королевской службы. Он поднял руку, и голоса участников мгновенно стихли.

— До третьего этапа допущены двадцать восемь кандидатов от семи боевых факультетов. С момента открытия ворот медицинское вмешательство прекращается до завершения испытания. Участники обязаны выполнить главную цель маршрута и личное условие, передан-

ное через проводник. Отказ, потеря проводника или выход за пределы обозначенного сектора засчитываются как прекращение участия.

Последние слова он произнёс тем же голосом, каким объявлял правила ношения формы. В таверне кто-то кашлянул, кто-то потянулся за кружкой. Мужчина из почтовой службы нахмурился, но промолчал.

Семь ворот открылись одновременно. За ними не оказалось ни коридоров, ни тренировочных площадок. Алый зал словно разрезали, а затем сшили с другими местами: за одними воротами ревело пламя, за другими поднималась чёрная вода, третьи вели на мост, висящий над туманом. За воротами Охоты начинался лес, залитый тусклым багряным светом.

Передающий шар выбрал именно его.

— Камера решает сама? — спросила портовая грузчица.

— Общий поток показывает сектор с самой высокой расчётной опасностью, — объяснил маг, поправляя настройку. — Или тот, за который больше заплатили.

На экране между деревьями появились шестеро участников. Камера держалась высоко, поэтому фигуры казались маленькими и почти одинаковыми, но одну зрители заметили сразу. Из-под чёрной ткани выбивалась длинная рыжая коса, а над плечом горела пластина с номером семнадцать. Девушка шла второй, время от времени замирая и чуть поворачивая голову, словно прислушивалась к чему-то, чего остальные не слышали.

Возле её номера вспыхнула надпись: «Охота. Предварительный коэффициент — девять к одному».

— Предвидение, — произнёс маг прежде, чем кто-нибудь успел спросить. — Короткое. Несколько секунд, иногда меньше. Хорошо работает в бою, если владелец понимает, что именно увидел.

— Девять к одному — это плохо? — тихо спросила женщина у окна.

— Это значит, что ставить на неё выгодно и глупо одновременно.

Рыжая девушка резко подняла ладонь. Идущий первым мужчина не остановился, и тогда она схватила его за ремень, дёрнув назад. В тот же миг земля перед ним разошлась, выпуская ряд костяных шипов. Один распорол край его сапога; ещё полшага — и прошёл бы сквозь колено.

В таверне шумно выдохнули. Кто-то ударил ладонью по столу, уже празднуя удачную ставку, а кузнец только сильнее сжал кружку.

Группа двинулась дальше. Лес вокруг них становился плотнее: ветви переплетались над головами, багряный мох поднимался по стволам, а между корнями лежал туман, скрывающий землю по щиколотку. Проводники на запястьях участников светились ровным зелёным цветом, указывая направление. Номер семнадцать несколько раз посмотрела на свой браслет, затем на остальных. Её шаг замедлился.

— Что она говорит? — потребовал почтовый служащий.

Маг усилил звук. Сначала из шара донёсся только треск ветвей, затем голос девушки — приглушённый тканью, но спокойный:

— Метка ведёт не туда.

Мужчина впереди оглянулся.

— У всех одинаковое направление.

— На воротах был восточный знак.

— Значит, маршрут изменили.

— После привязки его не меняют.

Один из участников нервно рассмеялся и показал на браслет:

— Он зелёный. Если бы произошла ошибка, загорелся бы красным.

Рыжая девушка не ответила. Она провела пальцами по краю проводника, словно пыталась нащупать что-то под металлической пластиной, а затем подняла голову и посмотрела прямо в сторону передающей камеры.

Изображение дёрнулось.

На несколько мгновений лес рассыпался на светлые полосы. Звук пропал, вернулся пронзительным свистом и снова оборвался. Маг выругался, обеими руками схватился за кольца настройки, но вместо группы на поверхности шара возник пустой лесной проход. В левом углу продолжал гореть номер сектора, хотя людей в нём больше не было.

— Верни назад, — потребовал хозяин таверны. — Мы заплатили.

— Я ничего не переключал.

— Тогда куда они делись?

— Откуда мне знать? Маршрутные камеры иногда перескакивают.

Маг перебрал доступные каналы. На одном трое участников факультета Огня отбивались от существ, похожих на обугленные человеческие фигуры. На другом девушка из Поток висела над ущельем, удерживаясь одной рукой за мокрую цепь. Третий показывал восточный сектор Охоты — пустую тропу, по которой ветер гнал багряные листья.

— Вот же они должны быть, — пробормотал маг. — Восточный маршрут, четвёртая группа.

— Но шли они не здесь, — заметил кузнец.

Маг бросил на него раздражённый взгляд и продолжил переключать каналы. Над шаром появилась золотая надпись: «Дополнительный внутренний обзор. Начальная ставка — три серебряных». Несколько человек возмущённо заговорили, однако миска снова пошла по столу. Монеты собирали медленнее: зрителям хотелось узнать, что случилось, но каждый надеялся, что заплатит сосед.

Когда внутренний обзор открылся, прошло почти семь минут.

Группа снова появилась в шаре, но теперь участников было пятеро. Они бежали по узкому каменному настилу между деревьями. Один поддерживал раненую девушку, другой постоянно оглядывался, а мужчина, которого номер семнадцать спасла от костяных шипов, кричал что-то распорядителям. Рыжей Охотницы среди них не было.

— Где седьмая? — спросила женщина у окна.

— Семнадцатая, — автоматически поправил маг.

— Да хоть сотая. Где она?

На поверхности шара вспыхнуло сообщение: «Участник 17. Сигнал проводника утрачен». Ниже появилась сухая строка: «Статус уточняется».

Мужчина из почтовой службы поднялся так резко, что лавка опрокинулась.

— Переключи на её камеру.

— Проводник не отвечает.

— На соседнюю.

— Там нет активных передатчиков.

— Тогда на распорядителей!

Маг дёрнул кольцо, но система запросила новую плату. Над столом повисла цена, превышавшая весь сегодняшний сбор таверны. Хозяин выругался и отказался даже пускать миску по кругу.

Следующие двадцать минут зрители наблюдали за другими участниками. Коэффициенты менялись после каждой травмы, ставки росли, а личные задания открывались одно за другим. Юноше с факультета Заклятий велели пройти участок с вращающимися лезвиями, не используя правую руку. Девушка из Артефакторики должна была оставить один защитный предмет на выбор аудитории, и посетители дорогого канала несколько минут торговались за право решить,

какой именно. Кто-то смеялся, кто-то спорил с результатами, кто-то записывал номера выживших на засаленном клочке бумаги.

О номере семнадцать постепенно перестали спрашивать.

Ближе к полуночи ворота в Алом зале открылись вновь. Участники возвращались по одному и небольшими группами. Некоторые шли сами, других несли товарищи. Только теперь к ним допустили целителей, но те сначала проверяли браслеты, отмечали время завершения и лишь затем занимались ранами.

Маг вывел на шар общую таблицу. Напротив нескольких номеров стояли отметки о прохождении, напротив других — медицинский отвод или прекращение участия. Строка семнадцатого номера оставалась серой дольше остальных.

Потом цвет изменился.

«Участник 17. Участие завершено».

Ни причины, ни времени, ни места система не показала. Коэффициент исчез, будто такого человека никогда не существовало.

— Это значит, она умерла? — спросила портовая грузчица. Говорила она тише, чем прежде, хотя в таверне уже почти никто не шумел.

Маг снял с пальцев проводники и принялся аккуратно складывать их в футляр.

— Это значит ровно то, что написано.

— Но семь минут её вообще нигде не было.

— Значит, камера потеряла сигнал.

— А если не камера?

Он захлопнул футляр и посмотрел на неё усталыми глазами.

— Тогда её семья получит закрытое извещение. Нам с вами объяснений не положено.

Передающий шар погас. Посетители ещё некоторое время сидели неподвижно, глядя на собственные отражения в потемневшем стекле, затем начали расходиться. Кто-то обсуждал выигрыш, кто-то ругал судей, двое торговцев уже спорили о коэффициентах следующего этапа. Хозяин пересчитывал выручку и выглядел довольным.

Кузнец задержался у стола последним. Он провёл пальцем по месту, где недавно горел семнадцатый номер, и нахмурился, словно пытался удержать в памяти рыжую косу, восточный знак и пустую тропу.

К утру он забудет номер.

А в доме с новой серебряной дверью младшая сестра погибшей проснётся от непривычной тишины.

Глава 1

Дом с серебряной дверью

Я проснулась от тишины. Не от криков, не от стука, не от лая соседских собак. От тишины, которая звенела в ушах, как натянутая струна.

Лежала, не открывая глаз, и пыталась понять, что не так. В доме Одэнов всегда было шумно. Мать с самого утра отчитывала прислугу, отец гремел посудой, читая газету, Рензел — когда он еще жил дома, а не в Академии — с грохотом сбегал по лестнице, на ходу застегивая рубашку. Даже в самые спокойные дни здесь что-то скрипело, шуршало, звенело. Сейчас же было тихо. Так тихо, что слышно, как за окном, в саду, шуршит листва. Середина осени всегда была особенным временем для этого дома.

Я села на кровати, шурясь от блика в массивном зеркале. За занавесками едва занимался серый, безнадежный рассвет, от которого комната казалась ещё холоднее, а тело после нескольких часов сна отзывалось тяжестью в каждой мышце. Накануне я легла далеко за полночь: дописывала очередную статью для подпольного «Листка», где печатали тех, кому не хватало связей для официальных изданий и благоразумия, чтобы молчать.

Перед глазами всё ещё плыли строки, выведенные при свете догорающей свечи: «... и снова семьи вынуждены выбирать между будущим своих детей и безопасностью, которой им никто не обещал. Чем ниже положение рода, тем дороже обходится право отказаться...» Последнее предложение так и осталось незаконченным, а под половицей лежали семь исписанных листов, способных обеспечить мне неприятности значительно серьезнее материнского выговора. Я потёрла виски, накинула халат и вышла в коридор, собираясь умыться, спуститься к завтраку и ещё несколько часов изображать совершенно благоразумную дочь.

Дом встретил меня все той же тишиной. Только теперь стало заметно: тишина была не пустой. Она была натянутой, как тетива. В ней слышалось что-то. Какое-то эхо, которое не должно было здесь звучать.

Я замерла на верхней площадке лестницы.

Внизу, в прихожей, горел одинокий светильник. Его свет падал на две фигуры. Отец стоял спиной к лестнице. Плечи напряжены, голова опущена. Рядом — мать, в ночном капоте, с распущенными волосами. Ее рука сжимала плечо отца так, словно он мог рассыпаться, если отпустить. Перед ними — юноша в серой ливрее почтовой службы. Мальчишка лет шестнадцати, бледный, с зажатой в руке папкой. Он переминался с ноги на ногу и явно не знал, куда деть глаза.

— Мы все понимаем, — тихо говорил отец. Голос его был глухим, чужим. — Благодарим вас. Вы свободны.

Мальчишка дернулся, сунул папку отцу и попятился к двери. На пороге он обернулся, открыл рот, будто хотел что-то сказать, но наткнулся на взгляд матери и исчез. Щелкнул замок. И тогда мать задышала. Громко, рвано, с хрипом. Она прижала ладонь ко рту, но это не помогло.

— Тише, — прошептал отец. — Ради всего святого, тише. Кайла может услышать.

— Кайла все равно узнает, — голос матери дрожал, но в нем была сталь. — Это нельзя скрыть, Элиот. Это... это моя девочка. Моя Мейса.

Я прижалась спиной к стене. Сердце пропустило удар. Мейса. Что с Мейсой?

— Третий этап, — произнёс отец после паузы, во время которой успел дважды сложить письмо и ни разу не попасть сгибом в прежнюю линию. Голос звучал глухо, но пальцы выдавали

его сильнее любых слёз. — В извещении сказано, что Мейса погибла во время прохождения маршрута. Подробности семье передадут после завершения проверки.

Мать смотрела не на него, а на серебряную печать внизу документа. Её рука медленно соскользнула с отцовского плеча, словно сил удерживать даже собственные пальцы больше не осталось. Когда она заговорила, слова поначалу звучали едва слышно, однако с каждой фразой в голосе становилось всё больше ярости:

— Они уже вписали туда статус, верно? Наша дочь ещё не вернулась домой, нам даже не сказали, как именно она умерла, зато Корона успела подсчитать, что теперь полагается семье. Сколько, Элиот? Десять лет привилегий? Двадцать?

Отец прикрыл глаза и стиснул письмо так сильно, что плотная бумага хрустнула. Он не попытался спрятать документ и не стал повторять привычные слова о чести рода, которыми взрослые так легко оправдывали чужую смерть. Вместо этого отец провёл ладонью по лицу и ответил устало, будто за несколько минут успел постареть:

— Двадцать. В документе подтверждён серебряный статус на двадцать лет, но я бы его сейчас же отказался, если бы это вернуло Мейсу домой. Однако мне необходимо думать о том, что будет с тобой, с Рензелом и Кайлой, потому что письмо уже пришло и изменить случившееся не в силах. Это.... благо.... для нас и наших детей.

Мать резко обхватила себя руками, словно только теперь почувствовала утренний холод. Её подбородок дрожал, но она упрямо удерживала взгляд отца.

— Не делай её гибель разумной, необходимой или выгодной. Она была нашей дочерью, а не платой за новую печать на двери.

Отец вздрогнул и отвернулся к окну, несколько мгновений безуспешно пытаясь взять себя в руки. Потом осторожно коснулся материнского локтя и тихо попросил её подняться наверх, прежде чем проснутся слуги и Кайла. Мать не ответила, однако позволила увести себя от двери, а смятое извещение так и осталось зажатым в отцовской руке.

Я не стала слушать дальше и бесшумно вернулась в комнату. Закрыв дверь, я ещё некоторое время держалась за ручку, хотя никто за мной не шёл, а затем медленно опустилась на край кровати. Мейса погибла на третьем этапе Отбора — эта мысль никак не превращалась во что-то настоящее и продолжала звучать как чужая, неудачно составленная газетная строка.

Она была старшей и всегда оказывалась между нами и неприятностями. Когда Рензел разбивал очередную вазу или ввязывался в драку на приёме, Мейса первой придумывала объяснение, а уже потом выясняла, кто начал и стоило ли брату бить его ещё раз. Когда я просыпалась от кошмаров, она садилась рядом, заплетала мои волосы и рассказывала истории об Академии, куда однажды обещала взять меня с собой. Теперь Академия прислала серую папку, несколько сухих строк и серебряный статус, будто этого было достаточно, чтобы заменить человека.

Слёз не было, только тяжёлая пустота, под которой постепенно проступало раздражение. Я знала слишком мало, чтобы обвинять кого-либо даже на страницах «Листка»: мне не сообщили условий этапа, состава группы, точного маршрута и причины смерти, а тело Мейсы ещё не вернули семье. Единственным фактом оставалось то, что первокурсница факультета Охоты добралась до третьего этапа и погибла там, где участники проходили испытание не в одиночку и где за их действиями должны были наблюдать наставники.

Я села за стол, достала чистый лист и разделила его вертикальной чертой. Слева написала: «Что известно», справа — «Что скрыли», после чего внесла в первую колонку факультет Мейсы, номер этапа, время доставки извещения и присвоенный семье статус. Вторая колонка получилась длиннее: кто находился с ней на маршруте, когда она погибла, кто засвидетельствовал смерть, почему семье не сообщили подробностей и каким образом городская служба успела оформить серебряную печать.

До этого утра Отбор был для меня темой статей: жестокой, несправедливой, но всё же существующей на безопасном расстоянии. Теперь одних слухов и возмущения было недостаточно, потому что любую громкую публикацию можно было объявить истерикой убитой горем семьи. Мне требовались документы, свидетели и человек, способный отличить настоящее несоответствие от моего желания непременно его обнаружить.

Я закрыла записи чистым листом и убрала их под половицу к остальным черновикам. Окончательного плана у меня ещё не было, но первый шаг казался очевидным: узнать, что успело попасть за стены Академии, прежде чем официальные лица договорятся между собой о единственной допустимой версии произошедшего. Для этого следовало добраться до редакции «Листка», поговорить с Тареном и не сообщать родителям ни о своих подозрениях, ни о том, насколько далеко я готова зайти ради ответов.

Когда перо наконец остановилось, за окном уже стоял день. Серый, пасмурный, без солнца. Умылась ледяной водой, переделалась и спустилась вниз.

Мать сидела в гостиной, прямая, как струна, с сухими глазами. Отец стоял у камина, глядя на остывшие угли. Никто не заговорил. Я прошмыгнула к двери.

— Ты куда? — спросила мать.

— Прогуляться.

— Кайла!... Сегодня к нам должен приехать Венс, так что будь так добра...

— Прости, очень спешу но обещаю вернуться к трем! — выкрикнула на бегу перед тем как окончательно выскочить за дверь.

На улице все еще был колкий весенний воздух.

Рынок гудел. Он всегда гудел, даже в дни траура. Торговцы выкрикивали цены, кухарки спорили из-за медяков, где-то визжала свинья. Я лавировала в толпе, не глядя по сторонам.

У лотка со специями стоял мальчишка лет двенадцати. Грязный, взъерошенный, с цепким взглядом. Он заметил меня и кивнул. Подошла, сделав вид, что разглядывает связки сушеного перца и заговорила:

— Есть работа, — тихо сказала, не глядя на него.

— Сколько?

— Как всегда. Плюс серебряный, если сделаешь быстро.

Мальчишка шмыгнул носом и кивнул. Как можно быстрее вытащила из рукава сверток, сунула ему в ладонь. Он исчез мгновенно, как будто и не было.

— Расклей у восточных ворот, возле пекарен и у гильдейского дома, чтобы к вечеру листки уже обсуждали в очередях. Только не задерживайся на одном месте и не отдавай всё одному разносчику: после прошлой статьи стража наверняка запомнила ваши лица.

Мальчишка спрятал свёрток под куртку, но уходить не торопился. Он выжидательно посмотрел на меня и потёр большим пальцем об указательный, напоминая о обещанном серебряном. Я достала монету, однако удержала её между пальцами, когда он попытался забрать плату.

— Сначала ещё одно поручение, Лис. За него рассчитаемся отдельно. Узнай, когда мастерская городской службы получила заказ на серебряную пластину для дома Одэнов: сегодня утром, ночью или несколькими днями раньше. Ничего не кради и не называй моего имени, просто послушай подмастерьев и спроси, сколько обычно проходит времени между извещением из Академии и установкой герба.

Улыбка исчезла с его лица, сменившись редкой для Лиса серьёзностью. Он быстро взглянул на меня, затем на зажатую монету, но впервые не попытался поднять цену. Забрав серебряный, мальчишка кивнул и растворился в толпе прежде, чем я успела повторить, что ради ответа не следует попадаться страже.

Купив пачку связок перца, что отдам после на кухню, зашагала в сторону центральной улицы. Надо было отдать еще пару статей и листовок паре связующих мальчишек и при-

думать как добраться до информации из Академии или до самой Академии попытав удачу, что какие-то студенты станут сплетничать за стенами учебного заведения. Ситуация маловероятная конечно, но все же. До нужной мне улицы путь был не близкий, так как род Одэн живет на окраине столицы и чтобы добраться до центра, придется пару часов трястись в повозке.

Я шла быстро, не оглядываясь. Рынок продолжал гудеть за спиной, но звуки становились тише, глуше, как будто их заворачивали в вату. После, свернула на улочку, ведущую к каретному двору. Здесь было тише: двухэтажные дома с облезшими фасадами, мокрые булыжники под ногами, запах угля и сырого белья. Где-то наверху хлопнуло окно, и женский голос что-то крикнул про невынесенный мусор. Я улыбнулась — вот он, настоящий город. Не тот, что показывают в газетах для элиты, а тот, что живет, несмотря ни на что.

До каретного двора оставалось не больше сотни шагов, когда над крышами протяжно прогудел городской колокол.

Десять часов.

Я выругалась себе под нос и прибавила шаг. Если не успею на ближайшую повозку, следующую придётся ждать почти час, а тогда вернуться домой к трём будет невозможно. Мать непременно решит, что я специально сбежала от встречи с Венсом. Впрочем, она будет права. Просто сегодня у меня имелась причина получше, чем нежелание провести вечер напротив человека, который во время последнего визита двадцать минут рассказывал о собственных успехах в верховой езде и ни разу не заметил, что я перестала его слушать.

Каретный двор прятался за длинным кирпичным зданием бывшей красильни. Во внутреннем дворе толкались наёмные экипажи, почтовые фургоны и крытые повозки, доставлявшие рабочих в центральные кварталы. Лошади били копытами по мокрому камню. Возницы перекрикивались, ругались из-за места у ворот и предлагали довезти «быстро, удобно и почти даром».

Последнее всегда означало, что кошелёк следовало держать обеими руками.

— До Старой башни! — крикнул седой возница, стоявший на облучке потёртой зелёной повозки. — Через площадь Гильдий и центральную улицу! Отправляемся сейчас!

Я запрыгнула внутрь прежде, чем он успел назвать цену.

На лавках уже сидели пятеро: пожилая женщина с корзиной яиц, двое рабочих в одинаковых серых куртках, сонный студент и толстяк, прижимавший к животу кожаный портфель. Последний недовольно подвинулся, когда я устроилась рядом.

Повозка дёрнулась так резко, что женщина охнула и накрыла корзину собой. Колёса загрохотали по булыжнику.

Я сунула руки в карманы плаща и нащупала оставшиеся листки. Бумага была тёплой от тела. Семьдесят экземпляров заметки о жеребьёвке, которую я закончила три дня назад. Семьдесят одинаковых обвинений, напечатанных на дешёвой серой бумаге мелким шрифтом, чтобы уместить как можно больше текста.

Я писала о семьях из нижних кварталов, для которых Отбор оставался почти единственной возможностью подняться выше того места, где им позволили родиться. Формально каждый участник соглашался добровольно, но это слово звучало особенно издевательски, когда за спиной стояли родители, уже подсчитавшие будущие выплаты, наставник отказывался подписывать отвод, а покровитель напоминал о деньгах, вложенных в обучение. Богатые входили в Академию с лекарями, подготовленными контрактами и подробными сведениями о прошлых испытаниях, тогда как остальные приносили собственный дар и надежду, что их хотя бы заметят.

До читателей «Листка» доходили только последствия. Семьи получали закрытые уведомления, официальные издания сообщали об «отсеивании кандидатов» и «досрочном завершении участия», а имена погибших исчезали из газет быстрее, чем высыхала типографская краска. О

том, что происходило внутри испытаний, рассказывали слухи, обрывки платных трансляций и люди, которым всегда находилась причина не называть себя.

Ни одного полного протокола мне достать никогда не удавалось. Ни одного списка погибших с настоящими причинами смерти, ни одного свидетельства наставника, которое можно было бы предъявить публично и потребовать объяснений. Теперь среди скрытых за аккуратными формулировками имён была Мейса, и впервые мне предстояло выяснить не только сколько людей поглотил Отбор, но и как именно он забрал одного конкретного человека.

Я отвернулась к окну.

За мутным стеклом проплывали кварталы. Низкие дома сменялись каменными особняками, грязные переулки — широкими мостовыми. На перекрёстках становилось больше городской стражи, исчезали босые дети и женщины с корзинами белья и вместо них появлялись вывески ювелиров, книжные лавки, кондитерские с разноцветными витринами. Город менял лицо так быстро, будто стыдился собственных окраин.

У площади Гильдий я выскочила из повозки, сунула вознице монету и, не дожидаясь сдачи, нырнула в узкий проход между аптекой и мастерской часовщика.

В конце прохода находилась неприметная дверь без вывески. Когда-то она была синей, но краска облупилась так сильно, что цвет сохранился только вокруг замочной скважины. Я постучала три раза, выдержала паузу и ударила ещё дважды.

Засов с другой стороны не отодвинули.

— Уценённые чернила, — сказала я, приблизившись к двери. — Две бутылки по цене одной.

— Нам не нужны чернила, — ответил мужской голос.

— Тогда пишите кровью.

Щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался один карий глаз.

— Когда-нибудь тебя зарежут за этот пароль.

— Тогда у тебя появится материал на первую полосу.

— Если найдут тело.

Дверь открылась шире.

Тарен выглядел так, словно не спал со времени нашей последней встречи и считал это вполне разумным способом существования. Светлые волосы торчали в разные стороны, тонкая оправа очков сползла почти на кончик носа, а на щеке отпечаталась перевёрнутая типографская буква. Он поправил очки костяшкой указательного пальца, потому что ладони и закатанные до локтей рукава были испачканы чернилами, после чего быстро оглядел переулок за моей спиной.

Ему было около тридцати, хотя после бессонной ночи он мог выглядеть как старше, так и значительно моложе в зависимости от количества выпитых зелий для поддержания работоспособности. Тарен утверждал, что когда-то работал в «Столичном вестнике», откуда ушёл из-за разногласий с редактором, а не был выставлен за дверь, как предполагали почти все сотрудники «Листка». Я не знала, какая версия правдива, но люди из «Вестника» обычно носили дорогие жилеты, ели устриц и не встречали авторов с типографской литерой на лице.

Я проскользнула внутрь. Тарен выглянул в переулок и запер засов.

Подпольная редакция «Листка» занимала подвал бывшей переплётной мастерской. У стены тяжело дышал печатный станок. Двое наборщиков раскладывали литеры, девушка с коротко стриженными волосами сушила листы на натянутых верёвках. Пахло горячим металлом, сырой бумагой и уксусом, которым здесь пытались перебить запах краски, но безуспешно.

— Принесла продолжение? — спросил Тарен, уже протягивая руку к моему карману. Он всегда обращался с рукописями так, словно их следовало отнять у автора раньше, чем тот успеет передумать или испортить последнюю страницу. — Если ты снова закончила текст

посреди предложения, я напечатаю пустое место и подпишу: «Здесь автору окончательно отказало благоразумие».

— Последняя часть готова, а благоразумие отказало мне значительно раньше. — Я достала сложенные листы и передала ему, стараясь не смять края сильнее. — Здесь семьи, которые получают выплаты после включения детей в Отбор, давление наставников и три случая, когда участники просили об отводе, но так его и не получили.

Тарен пробежал глазами первую страницу, перевернул вторую и привычно подтолкнул очки костяшкой пальца. Его лицо почти не менялось во время чтения, однако левый уголок рта начинал едва заметно опускаться всякий раз, когда он находил особенно слабое место. К концу третьего листа уголок опустился настолько, что я приготовилась защищать каждую строчку.

— Опять почти нет имён, а два источника ссылаются друг на друга. — Он постучал краем рукописи по ладони и посмотрел на меня поверх очков. — Читатель не обязан верить человеку, который слышал от соседа, будто двоюродная сестра его прачки получила деньги после гибели сына. Ты умеешь заставить людей возмутиться, Кайла, но возмущение без доказательств живёт до первого официального опровержения.

— Люди боятся называть себя, потому что им потом приходится жить в том же городе. — Я попыталась забрать листы, но Тарен отвлёл руку и положил рукопись на дальний край стола. — Или ты предлагаешь дожидаться заверенного Королевской канцелярией признания, что система использует тех, кто не может позволить себе отказаться?

— Я предлагаю не приводить стражу к моему станку из-за обвинения, которое развалится после двух вопросов. — Тарен понизил голос и отвлёл меня подальше от наборщиков, хотя те уже старательно делали вид, будто совершенно нас не слушают. Он скрестил руки на груди, оставив на рубашке ещё два чернильных следа. — Что произошло? Обычно ты споришь со мной минут десять, прежде чем начинаешь смотреть так, будто собираешься прикопать мое тело под ближайшей от нас клумбой.

Я почувствовала, как заготовленная колкость застряла в горле. В помещении продолжал грохотать станок, девушка возле верёвок переворачивала влажные листы, а кто-то в соседней комнате ругался из-за рассыпанных литер. Обычные звуки редакции вдруг стали невыносимыми, потому что миру полагалось хотя бы ненадолго замолчать.

— Сегодня утром семье принесли извещение из Академии. — Я опустила глаза на собственные руки и заметила, что продолжаю тереть большим пальцем край ногтя. — Мейса погибла на третьем этапе Отбора. Нам не сообщили ни причину смерти, ни условия маршрута, ни имена людей, которые находились рядом.

Тарен медленно снял очки и зажал переносицу двумя пальцами. Привычная ирония исчезла с его лица, а когда он снова посмотрел на меня, в его глазах не было ни профессионального любопытства, ни желания немедленно превратить случившееся в материал. Он открыл рот, но на несколько мгновений так и не сумел подобрать слова.

— Мне жаль, Кайла. — Тарен осторожно положил очки на стол и провёл ладонью по волосам, окончательно растрепав их. — Я встречал Мейсу всего дважды, но она оба раза предупредила меня, что однажды ты непременно приведёшь сюда городскую стражу. Кажется, она не шутила.

Шутка получилась немного неуклюжей но было приятно почувствовать чужую поддержку.

— Она редко шутила о вещах, которые касались меня. — Я заставила себя посмотреть ему в лицо и придвинула рукопись обратно. — Этот текст закончен до известия и не имеет отношения к её смерти. Его можно печатать.

Тарен не ответил сразу. Он перечитал заголовок, затем первую страницу и только после этого кивнул, однако рукопись не отдал наборщикам. Вместо этого аккуратно выровнял листы и прижал их чернильницей, словно опасался, что я всё-таки передумаю.

— Эту статью напечатаем после проверки двух цифр, но о Мейсе пока не пиши. — Он поднял ладонь, предупреждая возражение, и снова надел очки. — Не потому, что её смерть не важна, а потому, что сейчас у тебя нет ничего, кроме извещения и гнева. Если ты обвинишь Академию сегодня, завтра они назовут тебя обезумевшей от горя сестрой, и любой настоящий факт, найденный позднее, утонет вместе с первой ошибкой.

— Значит, мне нужны протокол этапа, состав группы и записи наблюдателей. — Я загибала пальцы, стараясь думать не о Мейсе, а о пустой правой колонке на листе под половицей. — Ещё время её выхода на маршрут, отметки врачей и хотя бы часть трансляции. Что из этого можно достать?

— Законно — почти ничего, а незаконно — значительно меньше, чем тебе сейчас хочется услышать. — Тарен машинально потянулся к карману за карандашом, обнаружил там типографский ключ и раздражённо бросил его на стол. — Записи первых этапов иногда продают трактирщикам, но третий контролируют строже. Пока официальное испытание не закончено, любой человек, обещающий тебе полный протокол, либо лжёт, либо собирается взять деньги и исчезнуть.

— Ты ведь всё равно попытаешься узнать, появилась ли запись. — Это прозвучало не как вопрос, и Тарен недовольно сощурился. — Просто сообщи, если услышишь имя свидетеля или увидишь документ, который не совпадает с официальным извещением.

— Попробую, но ничего не обещаю. — Он выдвинул ящик стола и достал плоский латунный жетон размером с крупную монету. На одной стороне была выбита раскрытая книга, на другой виднелась узкая прорезь для свёрнутой записки. — Это одноразовый связной жетон. Вставишь записку, сломаешь перемычку и опустишь его в любую городскую почтовую трубку; сообщение придёт сюда без обратного адреса.

Я повертела жетон между пальцами и заметила, что по краю уже прошла тонкая трещина. Тарен, проследив за моим взглядом, отобрал его, завернул в кусок плотной бумаги и лишь после этого снова вложил мне в ладонь. Его пальцы на мгновение сжались вокруг моих, а выражение лица стало непривычно серьёзным.

— Используй его только в том случае, если найдёшь нечто действительно важное или окажешься в опасности. — Он пристально посмотрел на меня, будто надеялся заранее обнаружить замысел, которым я ещё ни с кем не поделилась. — И не пытайся сегодня исправить всё, что случилось с Мейсой. Горе не становится меньше оттого, что ты отказываешься остановиться.

— Я пришла отдать статью, а не просить разрешения на глупости. — Я спрятала жетон во внутренний карман и забрала со стола один лист, на котором Тарен отметил сомнительную

цифру. — Проверю источник до вечера и передам исправление через Лиса. Всё остальное можешь считать исключительно своим дурным предчувствием.

Тарен не улыбнулся, хотя обычно не упускал возможности продолжить спор. Он проводил меня до двери, отодвинул засов и несколько секунд всматривался в переулок, проверяя, нет ли поблизости стражи. Когда я вышла, он тихо попросил не исчезать надолго и закрыл дверь прежде, чем мне пришлось бы отвечать.

Обратная дорога превратилась в череду толчков, лошадиного храпа и отчаянных попыток заставить время замедлиться. Повозка застряла у западных ворот. Стражники проверяли документы у торговцев, вытаскивали мешки, протыкали тюки длинными металлическими шупами. Какой-то купец кричал, что его товар испортят. Возница кричал громче.

Я выбралась наружу и побежала.

К дому Одэнов добралась без пяти минут три. Лёгкие горели, волосы выбились из причёски и липли к лицу, один башмак был заляпан грязью до щиколотки. У ворот стоял незнакомый экипаж, настолько начищенный, что в чёрной дверце отражались голые ветви ясеней.

Венс уже приехал.

Я расправила плащ, провела ладонями по волосам и попыталась отдышаться. Получилось плохо.

Входная дверь была распахнута, и на тёмном дереве уже блестела новая серебряная пластина с гербом Одэнов. Ещё утром на её месте оставались только потемневшая медная ручка и царапина, которую Рензел оставил тренировочным ножом несколько лет назад. Теперь двое рабочих городской службы складывали инструменты у ворот, а пожилой мастер протирал пластину мягкой тканью, словно устанавливал памятный знак, а не цену, назначенную за смерть моей сестры.

Я замедлила шаг и посмотрела на клеймо мастерской в нижнем углу герба. Заказ успели зарегистрировать, изготовить, доставить на окраину и установить за несколько часов, хотя обычное разрешение городской службы семья ожидала неделями. Это ещё ничего не доказывало: у Академии могли существовать собственные заготовки, срочные курьеры и установленный порядок, но именно поэтому я отправила Лиса выяснить, когда мастерская получила распоряжение.

Письмо о смерти пришло утром, а к полудню дом уже приобрёл полагающуюся награду. Я сжала пальцы, подавила желание сорвать пластину и заставила себя пройти мимо рабочих, не задавая вопросов, которые они непременно запомнили бы. В прихожей меня ждала мать, переодетая в строгое чёрное платье и припудрившая лицо так тщательно, что только дрожащие пальцы выдавали недавние слёзы.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказала она.

— Прости.

Мать посмотрела на мои грязные башмаки, растрёпанные волосы, раскрасневшееся лицо. В любой другой день последовал бы длинный выговор. Сегодня она лишь закрыла глаза.

— Иди в малую гостиную. Отец хочет поговорить с тобой до того, как ты увидишься с Венсом.

Я сняла плащ и повесила его на крючок.

— Он уже там?

— В большой гостиной. Пьёт чай.

Конечно. Что ещё делать человеку в доме, где утром умерла дочь хозяев?

Мать повернулась, собираясь уйти.

— Мама.

Она остановилась.

Мне хотелось подойти, обнять её, сказать, что я всё слышала. Но между нами уже стояла серебряная пластина на двери. Двадцать лет привилегий, оплаченных телом Мейсы и ещё ложь, которой родители собирались накрыть меня, как тяжёлым одеялом.

— Почему дверь открыта? — спросила я.

Мать посмотрела на меня так, будто я задала вопрос на незнакомом языке.

— Теперь её нельзя держать закрытой до заката. Так положено в первый день присвоения статуса.

— Какого статуса?

Её губы задрожали.

— Отец объяснит.

В малой гостиной пахло холодным кофе и дымом. Отец стоял возле окна, заложив руки за спину. На столе лежала знакомая серая папка. Рядом — раскрытая шкатулка с серебряной печатью рода.

Он обернулся, когда я вошла.

— Сядь, Кайла.

Я села.

Отец остался стоять. Он всегда предпочитал говорить сверху вниз, даже когда сообщал что-нибудь незначительное. Сегодня это казалось особенно отвратительным.

— Утром мы получили извещение из Академии, — начал он.

Я смотрела на папку.

— Мейса погибла во время третьего этапа Ритуала.

Он произнёс это ровно. Почти теми же словами, что утром. Наверное, репетировал.

Я заставила себя поднять глаза.

— Как?

Отец помедлил.

— В извещении не указаны подробности.

— Тогда что там указано?

— Подтверждение смерти. Номер этапа. Время завершения участия.

Завершения участия.

Не гибели. Не последнего вдоха. Не мгновения, когда её тело упало на землю.

Время завершения участия.

— Я могу прочитать?

Рука отца легла на папку.

— В этом нет необходимости.

— Для кого?

— Кайла.

— Я её сестра.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты запоминала Мейсу по сухому протоколу.

— А по чему мне её запоминать? По новой двери?

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было задохнуться.

Отец медленно выпрямился.

— Следи за словами.

— Мейса умерла неизвестно сколько времени назад, письмо доставили только сегодня утром, а у нас уже висит серебряный герб.

— Его устанавливает городская служба. Это закон.

— Как удобно.

— Довольно.

Я посмотрела на шкатулку.

— Что теперь получит наш род?

— Сейчас не время это обсуждать.

— Утром было время.

Он побледнел.

Всего на мгновение, но мне хватило.

— Ты подслушивала. — Отец обошёл стол и остановился напротив, однако смотреть на меня сверху вниз у него больше не получалось: плечи заметно опустились, а пальцы всё ещё хранили складки от смятого извещения. — Тогда ты должна была услышать и то, что я не праздновал получение статуса. Закон считает гибель участника службой Короне и вознаграждает семью независимо от того, просила она об этом или нет. Я не могу вернуть Мейсу, но обязан позаботиться о тех детях, которые у меня остались.

— Позаботиться — значит воспользоваться серебром и больше не задавать вопросов? — Я кивнула на закрытую папку, которую он так и не позволил мне прочесть. — Рензел останется в Академии, потому что уже учится там, а мне найдут подходящего мужа и велют быть благодарной за безопасность.

Отец поморщился, но не стал отрицать ни одного слова. Он подошёл ближе и впервые за весь разговор посмотрел на меня не как глава рода, а как человек, который за одно утро потерял дочь и теперь пытался запереть все остальные двери. Когда он заговорил, голос стал тише, однако в нём появилась окончательность:

— После случившегося ты не приблизишься к Отбору и не станешь искать для себя место на боевом факультете. Мне безразлично, какие возможности даёт серебряный статус и сколько дверей он перед тобой открывает. Мы уже отправили в Академию одного ребёнка, которого не сумели защитить, и второй раз этой ошибки не совершим.

— Ты решил это, даже не спросив, чего хочу я. — Я удержала его взгляд, хотя внутри уже складывались способы обойти запрет, о которых отец не должен был догадаться. — По крайней мере, теперь я понимаю, что в нашей семье называется безопасным будущим.

— Жизнь, Кайла. — Отец сжал губы, будто это единственное слово причиняло ему физическую боль. — Я называю безопасным будущим жизнь, и сейчас мне трудно поверить, что этого недостаточно.

Я рассмеялась.

— По крайней мере, честно.

— Мы уже потеряли одного ребёнка.

— А серебро получили на троих.

Пощёчина за такое казалась очевидной ведь во многих семьях это был традиционный урок воспитания, но отец отступил на шаг назад, будто между нами внезапно появилась пропасть.

— Ты сейчас не понимаешь, что говоришь.

— Я прекрасно понимаю. Мейса умерла, и теперь все должны сделать вид, что это была выгодная сделка.

— Она защитила род!

— Кто защитил её? — Голос сорвался. Вот теперь пришли слёзы. Они обожгли глаза, поползли по щекам, и я ненавидела себя за них, потому что отец сразу смягчился и потянулся ко мне.

Я вскочила.

— Не надо.

— Кайла...

— Я хочу увидеть её вещи.

— Их пришлют после завершения Ритуала.

— Тело?

Отец отвёл взгляд. Участников не возвращали до конца этапов, а иногда не возвращали совсем.

Я вытерла лицо ладонью.

— Рензел знает?

— Академия уведомила его отдельно. Мы получили от него короткое письмо. Он останется на занятиях.

— В день смерти сестры?

— Он на боевом факультете. Там не освобождают от обязательств из-за семейных обстоятельств.

Конечно. Смерть была семейным обстоятельством только для тех, кто ещё не надел форму Академии.

Из большой гостиной донёсся мужской смех.

Отец прикрыл глаза.

— Мы хотели отменить встречу, но его семья уже отправила экипаж. Кроме того, сейчас нам особенно важно показать, что род Одэн сохраняет устойчивость.

— Устойчивость?

— Не начинай.

— Наша дочь умерла, зато младшая вовремя встретила с женихом — образцовая семья.

— Ты спустишься к нему, — отчеканил отец. — Проведёшь в гостиной один час, не станешь устраивать сцен. После этого можешь вернуться в комнату и оплакивать сестру любым способом, который не позорит её память.

Я посмотрела на него. Впервые мне стало интересно, действительно ли он верит в собственные слова. Или повторяет их так долго, что уже не помнит разницы.

— Хорошо, — сказала я.

Отец нахмурился. Моё согласие напугало его сильнее крика.

— Хорошо?

— Я встречу с Венсом.

Поправила юбку, убрала мокрые пряди с лица и направилась к двери.

— Приведи себя в порядок, — бросил отец вслед.

Я не обернулась.

Венс стоял у книжного шкафа и рассматривал корешки с таким сосредоточенным видом, словно пришёл оценивать семейную библиотеку, а не на встречу с девушкой, которую Арделы несколько месяцев примеряли на роль подходящей невесты. Тёмно-синий сюртук сидел на нём безупречно, серебряная вышивка факультета Заклятий подчёркивала прямую линию плеч, а убранные назад тёмные волосы не растрепались даже после поездки через половину столицы. Услышав мои шаги, он повернулся, но привычная уверенная улыбка исчезла, как только Венс увидел моё лицо.

— Кайла, примите мои соболезнования. — Он подошёл, однако вместо обычной попытки поцеловать руку остановился на почтительном расстоянии и коротко склонил голову. Его взгляд задержался на покрасневших глазах, грязном крае юбки и волосах, которые я так и не успела привести в порядок, но ни одного вопроса Венс не задал. — Если бы я узнал об извещении до приезда, то перенёс бы встречу.

Мать сидела на диване, сжав ладони на коленях, и при этих словах едва заметно расслабила плечи. На столике остывал чай, рядом стояла тарелка с нетронутыми пирожными, приготовленными ещё до того, как дом стал траурным. Она поблагодарила Венса и сказала, что его семья ни в чём не виновата, а отменять уже состоявшийся визит теперь бессмысленно.

— Я мало знал вашу сестру, но в Академии о её гибели уже говорят. — Венс провёл большим пальцем по кольцу с гербом Арделов и на мгновение отвёл глаза, словно выбирал между искренностью и тем, чему его учили говорить на подобных встречах. — Многие назо-

вут её участие честью для рода, однако мне кажется отвратительным произносить это в день, когда семья получила извещение. Честь обычно не требует, чтобы мать пережила собственного ребёнка.

Я внимательнее посмотрела на него, впервые не обнаружив на лице привычного самодовольства. Венс по-прежнему говорил как человек, выросший среди привилегий и знающий цену каждому публичному жесту, но хотя бы понимал, какие слова сегодня нельзя произносить вслух. Это не делало его близким или безопасным, однако заставляло признать, что прежде я считала его глупее и напыщеннее, чем он был.

— Ты ведь учишься в Академии, — сказала я.

— Третий курс. — Он просиял, решив, что разговор наконец перешёл к достойной теме и проволжал болтать пока мы шли к креслам и конечно же после. — На факультете Заклятий. Я рассказывал тебе о зимнем состязании? Наш поток занял первое место среди...

Я почти перестала его слышать. В голове навязчиво крутилось лишь одно слово произнесенное его голосом — Академия. Венс это студент, которому разрешено приводить гостей на территорию факультета в установленные дни. В голове уже прокручивался план, были высчитаны все преимущества если мне удастся пройти в это закрытое место и фантазия подкидывала манящий образы всего того что я могу получить после пары таких вылазок.

Венс продолжал говорить о преподавателях, о новом тренировочном корпусе, о библиотеке, в которую допускали только старшие курсы и каждое его слово впервые за все время нашего общения застревало в памяти как что-то драгоценное. Он сам пришёл в наш дом, сам

протянул мне ключ. Нужно было лишь сделать так, чтобы он не понял, какую дверь я собираюсь открыть.

Я села напротив и впервые за всё время нашего знакомства улыбнулась ему без усилия.

— Нет, Венс, — сказала я. — О зимнем состязании ты мне не рассказывал.

Он придвинул кресло ближе.

— Тогда тебе будет интересно.

— Уверена. Но гораздо интереснее было бы увидеть всё своими глазами.

Венс замолчал. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на волосах, на вырезе платья, а затем вернулся к глазам.

— Ты хочешь посетить Академию? — Венс слегка приподнял бровь, и в его глазах впервые за весь разговор появилось живое любопытство. Он откинулся на спинку кресла, но продолжал внимательно наблюдать за моим лицом, словно пытался понять, откуда взялся интерес, которого я прежде ни разу не проявляла. — Ещё месяц назад ты утверждала, что один рассказ о факультетских состязаниях способен избавить тебя от бессонницы.

— Возможно, ты рассказывал не с той стороны. — Я выдержала его взгляд и позволила улыбке стать немного теплее, чем требовала простая вежливость. Венс заметил перемену сразу: пальцы перестали постукивать по подлокотнику, а на губах появилась медленная довольная улыбка человека, который наконец получил подтверждение давно ожидаемого интереса. — Газеты пишут только об официальных церемониях, а ты постоянно говоришь, что настоящая Академия совсем другая.

— Она действительно другая, особенно если смотреть на неё не из гостевой ложи. — Венс наклонился ближе и понизил голос, хотя мать находилась достаточно далеко и не могла слышать нас без откровенного любопытства. — Завтра на факультете Заклятий будет открыта тренировочная галерея. Студент третьего курса имеет право провести одного гостя, и я могу показать тебе значительно больше, чем увидят посетители общей экскурсии.

Я сделала вид, что обдумываю предложение, хотя решение уже было принято. Венс истолковал паузу как сомнение в нём, а не как попытку не согласиться слишком поспешно, и впервые за время нашего знакомства отказался от самодовольной речи в пользу конкретики. Он пообещал прислать утром пропуск, встретить меня у северных ворот и вернуть домой до темноты, после чего повернулся к матери и с безупречной учтивостью попросил её разрешения.

Мать посмотрела на меня с осторожной надеждой. Посещение Академии под присмотром Венса казалось ей не первым шагом к опасному Отбору, а признаком того, что я наконец заинтересовалась подходящим молодым человеком и готова всерьёз рассмотреть союз с Арделями. Она попросила не покидать территорию Заклятий и не задерживаться дольше оговорённого времени, а я пообещала выполнить оба условия, уже понимая, насколько по-разному их можно истолковать.

Венс поднялся перед самым закатом и на прощание задержал мою ладонь чуть дольше, чем позволяла формальная вежливость. Он явно считал завтрашнее приглашение своей маленькой победой и даже не пытался скрыть удовлетворения, но не спросил почему именно после смерти сестры меня заинтересовала Академия. Для него всё складывалось просто и приятно: Кайла Одэн наконец перестала отвергать ухаживания и захотела увидеть мир, частью которого однажды могла стать рядом с ним. А может это такая черта всех семей из высшей лиги — не обращать внимание на то что им не интересно и не соваться в чужие дела пока они не препятствуют их собственным целям.

За его спиной, над камином, висел портрет Мейсы. Рыжие волосы были заплетены в косу, тёмно-зелёные глаза смотрели прямо перед собой, а приподнятый уголок губ придавал лицу выражение, будто сестра знала нечто, до чего остальные ещё не успели додуматься. Я провожала Венса до серебряной двери и улыбалась достаточно убедительно, чтобы ни он, ни

родители не поняли: завтра я собиралась войти в Академию вовсе не ради факультета Заклятий и не ради человека, который сам согласился провести меня за ворота.

Локация: Гостинная рода Одэн

(дополнительные сцены, больше карточек по истории и более близкое знакомство с персонажами доступно на моем бусте **Dark Raven**)

Глава 2

Операция «Поступление»

На следующее утро Мейса всё ещё была мертва, зато Венс прислал мне цветы. Белые лилии лежали в длинной коробке, перевязанной серебристой лентой, и пахли так сладко, что от их аромата начинало першить в горле. Мать распорядилась поставить букет в гостиной под портретом сестры, после чего комната окончательно стала напоминать семейный склеп.

К цветам прилагалась записка. Венс напоминал, что будет ждать меня сегодня в одиннадцать у северных ворот Академии, советовал надеть что-нибудь красивое и предупреждал об одной «совсем небольшой просьбе». Последние слова он подчеркнул дважды, поэтому именно они выглядели наиболее подозрительно.

Я перечитала записку, перевернула её, будто на обороте могло скрываться объяснение, и сунула в карман.

— Он очень внимательный молодой человек, — сказала мать.

Она сидела за столом в чёрном платье, хотя официальный траур ещё не объявили. Для этого семье полагалось дожидаться второго извещения из Академии — с описанием обстоятельств смерти и решением о передаче вещей. До его получения Мейса считалась погибшей, но не возвращённой роду.

Удивительно, сколько слов требовалось государству, чтобы не произносить слово «тело».

— Особенно мне понравилась часть про красивое платье, — ответила я.

— Ты сама попросила показать тебе Академию.

— Я попросила показать факультет. Не оценить мой гардероб.

Мать вздохнула и взяла чашку. Она почти не спала. Под глазами залегли тёмные тени, пальцы всё ещё дрожали, но голос звучал привычно строго. Будто если продолжать поправлять мою осанку, проверять длину юбок и обсуждать Венса, мир однажды устыдится и вернётся в прежнее состояние.

— Кайла, постарайся хотя бы один день не искать повод для ссоры.

— Я не ищу. Поводы сами находят меня.

— Венс может стать твоим мужем.

— Именно поэтому меня беспокоит его отношение к моим платьям.

Отец отложил газету.

— Поездка в Академию состоится только при условии, что Венс будет находиться рядом с тобой всё время, — сказал отец. — Ты отправляешься туда как гостя Венса, а не как будущая ученица. Никаких разговоров о поступлении, никаких тренировочных корпусов и тем более никаких помещений, связанных с Отбором. Если Ардел не способен обеспечить соблюдение этих условий, поездка не состоится.

— Разумеется.

Он всмотрелся в моё лицо. После вчерашнего разговора отец перестал верить моему согласию. Умный человек. Немного запоздавший, но умный.

Мать отвела глаза к цветам под портретом и сжала чашку обеими руками. Её устраивала не сама Академия, а присутствие Венса, принадлежавшего к высокой лиге и способного провести меня по заранее разрешённому маршруту. В её представлении это была не опасная авантюра, а прогулка с подходящим кандидатом в мужья, которая должна была убедить меня выбрать семейную жизнь вместо судьбы Мейсы.

— Для чего тебе вообще понадобилось смотреть его факультет?

— Ты сам уже год рассказываешь, каким достойным человеком станет Венс после выпуска. Я решила проявить интерес к его будущему.

Мать просветлела.

— Вот видишь, Элиот? Я говорила, что им просто нужно чаще проводить время вместе. Отец не разделял её восторга.

— Вчера утром ты обвиняла нас в том, что мы купили благополучие смертью твоей сестры. Вчера вечером взяла Венса за руку. Сегодня проявляешь интерес к его будущему. Перемена кажется несколько быстрой.

Я потянулась за хлебом.

— Горе заставляет переоценить жизнь.

— Тебя оно заставило переоценить Венса?

— Не будем требовать от горя невозможного.

Мать резко поставила чашку на блюдце.

— Достаточно.

Я замолчала.

Мне нельзя было переигрывать. Родители хотели видеть во мне девушку, которая после смерти старшей сестры осознала хрупкость жизни и решила покорно принять безопасное замужество. Я могла дать им эту девушку. Ненадолго. Ровно настолько, чтобы оказаться по другую сторону северных ворот.

Отец снова поднял газету, но читать не стал.

— Я распоряжусь, чтобы экипаж доставил тебя к Академии и ожидал у ворот.

— Не нужно.

Край газеты медленно опустился.

— Почему?

— Потому что Венс наверняка захочет проводить меня домой. Если у ворот будет торчать наш кучер, это покажет твоё недоверие к будущему зятю.

Взгляд отца стал особенно тяжёлым.

Я улыбнулась.

Мать неожиданно пришла мне на помощь:

— Она права. Семья Венса может счесть это оскорблением.

Отец посмотрел сначала на неё, затем на меня.

— До заката.

— Конечно.

Я обмакнула кусок хлеба в мёд, чтобы скрыть довольную улыбку.

Первое препятствие оказалось пройдено.

Оставалось выяснить, что именно Венс называл небольшой просьбой и во сколько она мне обойдётся.

Северные ворота Академии Дер-Сон выглядели так, будто их строили не для студентов, а для встречи вражеской армии.

Две массивные башни поднимались над скалой, соединённые аркой из чёрного камня. По её краям тянулись высеченные заклинания. Серебристые знаки вспыхивали один за другим, когда через ворота проходил человек, и гасли у него за спиной. За стенами виднелись острые крыши корпусов, мосты, перекинутые между башнями, и центральный шпиль, верхушка которого терялась в низких облаках.

Под аркой висели одиннадцать длинных знамён — по числу факультетов Академии. На тёмных полотнах виднелись узкий полумесяц Теней, глаз со стрелой Охоты, расходящиеся линии Заклятий, пламя Военного огня, волна Потоков, замкнутый знак Защитных печатей и соединённые ключ с пером Артефакторики. Дальше располагались знаки остальных Академического обеспечения, Целительства, Боеваяковка, а над всеми знамёнами возвышался отдельный герб Дер-Сон, обозначавший уже и факультет для будущих преподавателей и саму Академию.

Цвета, форма наконечников и вышивка по краям различались, но никакого понятного порядка я пока не видела. Одни полотна висели ближе к центру, другие были отнесены к башням, а некоторые выглядели заметно богаче соседних. Возможно, расположение отражало академическую иерархию, однако купленная на рынке карта не объясняла даже собственных обозначений, поэтому ждать от неё сведений о факультетских традициях было бессмысленно.

Я слишком долго смотрела наверх и едва не столкнулась с экипажем, из которого выходили трое студентов. Их серые плащи выглядели одинаково, однако застёжки принадлежали разным факультетам, а один из юношей носил на рукаве дополнительную чёрную полосу боевого направления. Они прошли под своими знамёнами, даже не подняв головы, тогда как я старалась запомнить расположение каждого герба, чтобы позднее хотя бы приблизительно понимать, в какой части Академии оказалась.

Венс ждал у караульного павильона. На нём был длинный синий плащ с вышитым на плече узором Заклятий: раскрытая ладонь, вокруг которой закручивались золотые символы. Волосы он уложил особенно тщательно. Наверное, потратил на них больше времени, чем я на всю подготовку.

Заметив меня, Венс расправил плечи и оглядел с ног до головы.

Я выбрала тёмно-зелёное платье с высоким воротом и узкими рукавами. Достаточно красивое, чтобы он не жаловался. Достаточно удобное, чтобы в нём можно было быстро ходить. Под широкой юбкой скрывались ботинки без каблука, а во внутреннем кармане плаща лежали блокнот, карандаш, деньги и сложенная вчетверо карта Академии.

Карту я купила утром у торговца старыми книгами. На ней отсутствовала почти половина зданий, север располагался справа, а в углу кто-то нарисовал неприличную картинку. Но это было лучше, чем ничего.

— Ты пришла, — сказал Венс.

В его голосе прозвучало приятное удивление.

— Мы договаривались.

— Ты и раньше договаривалась.

— Но сегодня мне стало стыдно.

Он улыбнулся и протянул руку и я посмотрела на неё, не понимая зачем мне идти с ним за ручку.

— Что?

— Гости должны входить вместе с сопровождающим.

— Для этого обязательно держаться за руки?

— Нет, но так убедительнее.

— Для кого?

Венс бросил взгляд в сторону ворот.

У караульного павильона стояли четверо молодых мужчин в таких же синих плащах. Все четверо смотрели на нас. Один заметил мой взгляд, толкнул соседа локтем и что-то сказал. Остальные засмеялись.

Небольшая просьба начала приобретать очертания.

— Ты поспорил, что приведёшь меня, — сказала я.

Венс кашлянул.

— Не совсем.

— На деньги?

— Кайла.

— На что ты поспорил?

Он наклонился ближе.

— Они не верили, что ты существуешь.

— Ты показывал им мой портрет.

— Они решили, что я его купил.

— Где?

— Какая разница?

— Венс.

— У художника на Рыночной площади.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Ты купил портрет незнакомой женщины и говорил товарищам, что это я?

— Она похожа.

Я закрыла глаза.

Мейса погибла на третьем этапе Отбора. Где-то внутри этих стен находились протоколы, свидетели и люди, знавшие, что с ней произошло. Я пришла сюда ради возможности получить хоть что-то из перечисленного и нельзя было позволить Венсу разрушить всё раньше, чем я переступлю порог.

— Хорошо, — сказала я. — Что ты им пообещал?

— Ничего.

— Тогда почему они ждут у ворот?

— Хотят познакомиться.

— И?

Он снова посмотрел на друзей.

— И убедиться, что ты действительно моя невеста.

— У нас нет официальной помолвки.

— Наши семьи всё решили.

— Наши семьи решили многое. Например, что мне полезно домашнее обучение, но это не сделало его полезным.

Венс сжал губы.

— Если ты сейчас уйдёшь, я окажусь посмешищем.

— А если останусь?

Его лицо сразу смягчилось.

— Я проведу тебя по факультету. Покажу тренировочные залы, внутренний двор, библиотеку. Всё, что ты захочешь.

— Всё?

— В пределах разумного.

— И что потребуется от меня?

— Всего лишь немного подыграть.

Я посмотрела на четверых студентов. Они уже не скрывали любопытства.

— Насколько немного?

— Позволишь представить тебя невестой, посидишь с нами за обедом, будешь... приветливой.

— Это всё?

Венс замялся.

— И поцелуешь меня.

Я медленно повернула голову.

— Где?

— Что?

— Где именно я должна тебя поцеловать? Здесь? За обедом? На столе в главном зале? Может быть, повиснуть у тебя на шее, чтобы даже самые близорукие поверили?

Его уши покраснели.

— Не устраивай сцену.

— Я уточняю условия сделки.

— Это не сделка.

— Тогда я пошла домой. — Я развернулась.

Венс перехватил меня за запястье, но стоило мне опустить взгляд на его пальцы, как хватка сразу ослабла. Он отпустил руку и машинально разгладил манжету, пытаясь вернуть себе привычную невозмутимость, хотя покрасневшие уши выдавали смущение значительно лучше любых признаний. За его спиной приятели перестали смеяться и теперь ждали, сумеет ли Ардел остановить девушку, существование которой только что намеревался им доказать.

— Подожди, я действительно поступил глупо. — Венс произнёс это с таким усилием, будто признание собственной ошибки относилось к запрещённой магии. Он покосился на друзей, после чего встал так, чтобы заслонить меня от их взглядов. — Я не должен был договариваться от твоего имени, поэтому их условия можешь не учитывать.

— Зато твоя просьба всё ещё существует, иначе ты предупредил бы меня о споре заранее. — Я потёрла запястье и осталась на месте, поскольку уходить из-за его самолюбия не собиралась. — Говори сейчас, Венс, пока я ещё готова обсуждать цену входа.

— Один поцелуй, — сказал Венс тише. — Ничего такого. В щёку, если хочешь. Просто чтобы они перестали сомневаться.

— Обед отменяется.

— Кайла.

— Ты проведёшь меня по факультету, покажешь библиотеку, тренировочный корпус и внутренний сад. Не станешь следить за каждым моим шагом и задавать вопросы, если я захочу поговорить с кем-нибудь из девушек. В обмен я позволю представить меня невестой и поцелую тебя в щёку на глазах у твоих друзей.

— Я должен находиться рядом с тобой. Таковы правила для гостей.

— Тогда держись достаточно близко, чтобы не нарушать правила, и достаточно далеко, чтобы не мешать.

— Ты торгуешься из-за обычной прогулки.

— Ты пытался расплатиться мной по проигранному спору. Не жалуйся на цену.

Он нахмурился. Ворота находились в двадцати шагах. Возможность войти — на расстоянии одного его согласия. Мне пришлось заставить себя не торопиться.

— Хорошо, — наконец сказал Венс. — Но обед хотя бы начнёшь с нами.

— Пятнадцать минут.

— Полчаса.

— Двадцать.

— Договорились. — Он протянул руку и на этот раз я вложила в неё свою.

Друзья Венса встретили нас так, будто стали свидетелями редкого магического явления. Самый высокий присвистнул, второй смерил меня взглядом, задержавшись на груди. Третий демонстративно протянул ладонь четвёртому, и тот с недовольным видом вложил в неё две монеты.

— Господа, — произнёс Венс с достоинством человека, только что выигравшего войну. — Позвольте представить Кайлу Одэн. Мою невесту.

— Ту самую? — спросил высокий.

— А у него есть ещё одна? — поинтересовалась я.

Студенты засмеялись.

— Это Лоран, Кейт, Мерид и Феликс, — произнёс он, поочерёдно указывая на каждого. Я тут же забыла, кто из них кто, а тот, что рассматривал мою грудь, улыбнулся:

— Венс рассказывал, что вы очень скромны.

— Венс любит вымышленных женщин. Они не перебивают.

— Значит, слухи о вашем характере тоже правдивы.

— Надеюсь. Я вложила в них много сил.

Высокий рассмеялся громче остальных. Венс улыбался уже не так уверенно.

— Мы можем идти? — спросил он.

— погоди, — остановил его один из друзей. — Кажется, ты должен нам доказательство.

Я почувствовала, как Венс напрягся. Конечно они заранее договорились о форме представления и конечно, он не счёл нужным сообщить мне до того, как я подошла к воротам. Я повернулась к нему.

— Что именно ты им обещал?

— Ничего особенного.

— Венс.

— Поцелуй, — радостно сообщил высокий. — Но не в щёку.

Венс побледнел. Я медленно высвободила руку.

— Кайла, я могу объяснить.

— Не нужно.

— Это была шутка.

— Очень удачная. Когда мне смеяться?

Его друзья замолчали. Даже тот, что выиграл монеты, перестал улыбаться.

Я могла уйти. Правильнее всего было развернуться, вернуться домой и позволить Венсу объяснять товарищам, почему его невеста исчезла перед самым входом, но за его спиной возвышались ворота Академии. Мейса провела здесь меньше учебного года, но даже за это время успела узнать Академию лучше, чем я знала собственный город. Рензел находился где-то за этими стенами уже второй год, а я впервые переступила порог с купленной на рынке картой, чужим разрешением и ложью, которую придётся поддерживать до самого возвращения домой.

Отступить из-за выходки Венса означало добровольно отказаться от единственного доступного мне способа попасть внутрь.

— Мы заключили другую сделку, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда выполняй её.

Венс бросил на друзей такой взгляд, будто впервые задумался, стоит ли продолжать с ними общение. Сомневаюсь, что мысль задержалась надолго.

— Не перегибайте, — сказал он. — Идём.

Высокий попытался что-то возразить, но Венс уже повёл меня к павильону. Внутри за узким столом сидела женщина в форме городской стражи. Вместо обычного оружия на её поясе висела связка металлических пластин с выгравированными символами. Она попросила Венса приложить ладонь к чёрной поверхности на столе.

Под его пальцами вспыхнул золотой круг.

— Венс Ардел, третий курс, факультет Заклятий, — произнесла женщина. — Цель выхода?

— Встреча гости.

— Разрешение наставника?

Венс протянул сложенный лист и женщина какое-то время изучала печать, а затем посмотрела на меня.

— Имя?

— Кайла Одэн.

Её взгляд задержался на моём лице — фамилию она узнала. Конечно. Сегодня её знала вся столица.

— Родство с участницей Отбора Мейсой Одэн?

— Сестра.

Женщина ещё раз посмотрела на моё лицо и сверилась с узкой строкой в регистрационной книге. Она не выразила ни сочувствия, ни любопытства, однако металлическая пластина в её руке на мгновение замерла над моим именем. Новость о смерти Мейсы уже успела добраться до караульного павильона, хотя семье по-прежнему не сообщили, что именно произошло на третьем этапе.

Венс чуть сильнее сжал мою ладонь, но ничего не сказал. Впервые за утро его прикосновение не было частью представления перед приятелями: большой палец коротко прошёлся по моим костяшкам и замер. Я не стала отнимать руку, потому что благодарить его вслух не хотелось, а этот жест не требовал ответа.

Женщина взяла одну из металлических пластин и провела ею над моей рукой. Кожу обдало холодом. Вокруг запястья сомкнулась тонкая серебристая линия, похожая на браслет.

— Гостевая метка, — пояснила она. — Даёт право находиться в северном секторе, главной галерее и открытых помещениях факультета Заклятий. При попытке пройти в закрытую часть станет красной. При повторной попытке сообщит страже.

Я посмотрела на линию.

— А если случайно заблудиться?

— В первый раз метка обожжёт кожу.

— Очень гостеприимно.

Женщина впервые улыбнулась.

— После ожога обычно перестают блуждать.

Она вернула Венсу разрешение.

— Гостья остаётся под вашей ответственностью. До шестого вечернего колокола.

Мы вышли из павильона — под аркой воздух изменился. На мгновение заложило уши, по коже пробежала дрожь, а серебряные знаки над головой вспыхнули так ярко, что пришлось зажмуриться.

Я сделала ещё один шаг и гул города исчез.

За стенами Академии пахло мокрым камнем, дымом и чем-то металлическим, похожим на воздух перед грозой. По широкой дороге двигались студенты. Над башнями летали светящиеся шары. Между двумя корпусами медленно проплывала лестница, не касаясь земли. На площади группа людей в зелёных плащах окружила дерево, ветви которого изгибались под их жёсткими.

Я остановилась. Все мои статьи, слухи и украденные записи вдруг показались плоскими рисунками — Академия была живой, огромной и совершенно не похожей на место, куда можно проникнуть с купленной на рынке картой и хорошей ложью.

— Впечатляет? — самодовольно спросил Венс.

Я посмотрела на серебристую линию вокруг запястья. Она пока оставалась белой.

— Очень, — ответила я.

Он принял это за восхищение Академией. На самом деле я думала о другом — где-то здесь принимали заявления и до шестого колокола мне предстояло выяснить где. Я решила что раз уж я все равно здесь то вместо того чтобы попытаться подслушать кого-то или каким-то чудом добраться до хоть каких-то документов звучит примерно как снег зимой, учитывая здешнюю защиту, лучше уж попытаться сюда поступить. Совершенно спонтанная глупость сейчас казалось поистине самым выгодным решением.

— Начнём с главного корпуса, — сообщил Венс. — Там находится Зал Основателей. Его показывают всем гостям.

— Наверное, потому что основатели уже умерли и не могут возражать.

— Ты можешь хотя бы сегодня вести себя нормально?

— Могу. Но тогда твоим друзьям придётся признать, что ты привёл другую женщину.

Венс покосился на меня, пытаясь понять, шучу я или нет, и повёл вверх по широкой дороге. Чем дальше мы отходили от ворот, тем меньше Академия походила на учебное заведение. Скорее на отдельный город, построенный людьми, которым обычных законов архитектуры показалось недостаточно.

Башни стояли под неправильными углами, но не падали. Каменные переходы соединяли здания на высоте четырёх или пяти этажей, и по ним двигались студенты. Над крышами плавали светильники, похожие на огромных медуз. Их полупрозрачные тела наливались золотым светом, а длинные нити щупалец колыхались в воздухе без ветра.

У края дороги двое студентов в тёмно-коричневых плащах спорили над металлической головой зверя. Механизм лежал на каменной тумбе, щёлкал стальными челюстями и время от времени пытался ухватить одного из создателей за рукав. Судя по прожжённым перчаткам и оплавленным краям тумбы, спор продолжался давно и уже успел перейти от теории к практическим доказательствам.

— Боеваяковка, — пояснил Венс, заметив мой взгляд. Он потянул меня чуть дальше от механической головы, когда та повернулась в нашу сторону. — Они создают оружие, доспехи и всё остальное, что должно защищать владельца, но почему-то сначала пытается его убить.

— Возможно, механизм просто умеет оценивать своих создателей. — Я оглянулась в тот момент, когда зверь снова клацнул зубами, а один из студентов ударил его свёрнутой тетрадкой по носу. — Приятно знать, что опасности Академии распределены не только между семью боевыми факультетами.

— Боеваяковка считается небоевым направлением лишь потому, что её выпускников редко отправляют на передовую. — Венс произнёс это с лёгкой усмешкой и поправил застёжку

своего плаща. — Обычно они остаются достаточно далеко от сражения и зарабатывают значительно больше тех, кто пользуется их изделиями.

— Значит, кто-то здесь всё-таки понимает правила выживания. — Я проводила взглядом студентов, наконец сумевших зажать механическую пасть металлическим штырём. — Начиная уважать академическое образование.

Венс остановился у подножия широкой лестницы.

— Главное правило: ничего не трогай.

— Даже двери?

— Особенно двери. Некоторые ведут не туда, куда должны.

— А куда?

— В другие части Академии. Иногда в другие дни недели.

Я посмотрела на ближайшую дверь — на медной табличке было написано: «Архив Защитных печатей. Среда ». Сегодня был четверг.

— Что произойдёт, если открыть её сейчас?

— Не знаю. В прошлом году один первокурсник вернулся через три дня без бровей.

— Почему без бровей?

— Никто не спросил.

Я достала из кармана карту, Венс заметил движение.

— Что это?

— Ничего.

— Ты принесла карту?

— Мне хотелось лучше запомнить маршрут.

Он попытался заглянуть через плечо. Я сложила лист прежде, чем Венс увидел рисунок в углу.

— Такие карты продают только мошенники, — сказал он. — Планировка Академии меняется.

— Каждый день?

— Не полностью. Лестницы, переходы, некоторые помещения.

— Очень разумное устройство для места, где учатся несколько тысяч человек.

— Оно развивает пространственное мышление.

— И умение жить без бровей.

Венс снова взял меня за руку и повёл наверх. Главный корпус встретил нас гулом голосов и холодом. Высокий потолок терялся в полумраке, а вдоль стен стояли каменные фигуры основателей — двенадцать мужчин и три женщины с выражениями лиц людей, заранее разочарованных всеми будущими поколениями. Под каждой статуей была выбита длинная надпись.

— Основатель Кайрос Дер-Сон, — торжественно начал Венс, указывая на мужчину с каменной книгой. — Первый верховный маг королевства, победитель Северной войны, создатель...

— Венс.

— Что?

— Я восхищена.

— Я ещё ничего не рассказал.

— Боюсь, дальнейший восторг будет опасен для здоровья.

Он раздражённо вздохнул. У дальнего входа нас ждали его друзья. Они успели перебраться от ворот сюда и теперь заняли длинный стол возле высоких окон. Перед ними стояли кувшин, тарелки с мясными пирогами и бутылка вина, которую студенты явно не покупали в академической столовой.

Высокий заметил нас первым.

— Невеста не сбежала!

— Пока нет, — ответила я.

— Садись, — сказал Венс и отодвинул для меня стул.

Я посмотрела на часы над входом — половина двенадцатого.

Двадцать минут. — Подумала про себя. — Можно пережить что угодно, если заранее знать точное время окончания, так что я села.

Венс устроился рядом, слишком близко. Его колено коснулось моего под столом. Я отодвинулась, но с другой стороны сидел тот самый студент, который у ворот разглядывал мою грудь. Он представился Меридом, или Феликсом. Я так и не поняла.

— И как Венсу удалось уговорить вас приехать? — спросил он.

— Пообещал показать библиотеку.

Студенты переглянулись.

— Библиотеку? — повторил высокий.

— Люди иногда читают книги.

За столом рассмеялись, а Венс потянулся за вином.

Чем дольше они разговаривали, тем яснее становилось, что никто из компании не воспринимал обучение особенно серьёзно. Для них Академия была наследственной привилегией, местом для ставок, состязаний и историй, которыми позднее можно хвастаться на семейных приёмах, но даже болтая о преподавателях и проигранных деньгах, они сообщали мне больше, чем понимали.

Приём новых учеников начинался весной, заявления принимали в административной галерее, вступительные испытания проводились отдельно для каждого направления. Попасть на боевые факультеты было сложнее, зато именно их студенты получали доступ к закрытым соревнованиям.

Я не задавала вопросы напрямую. Достаточно было выглядеть заинтересованной, иногда удивляться и позволять Венсу исправлять товарищей. Люди охотно раскрывали всё, что знали, если считали себя умнее слушателя.

— В прошлом году желающих было почти четыре сотни, — рассказывал Кейт, вертя в пальцах пустой бокал. — Половину выгнали после проверки дара.

— Не выгнали, — поправил Венс. — Перевели на хозяйственные направления.

— Какая разница?

— Большая, если тебе нравится чистить зачарованные дымоходы.

— А заявления принимают здесь? — спросила я как можно равнодушнее.

Венс пожал плечами.

— В западной части главной галереи. Но гостям там делать нечего.

— Я просто спросила.

— Ты задаёшь много вопросов.

— Ты вчера обещал рассказать об Академии.

— Я думал, тебя интересует мой факультет.

— Он меня тоже интересует.

Это немного успокоило его.

Высокий студент усмехнулся:

— Она интересуется твоим факультетом больше, чем тобой.

— Кайла просто стесняется, — заявил Венс.

Я поставила стакан.

— Разумеется. Именно застенчивость — моё главное качество.

— Тогда докажи, что мы ошибались, — сказал Мерид или Феликс. — Венс обещал поцелуй.

— Венс обещает удивительно много от моего имени.

Я повернулась к жениху. Он отвёл взгляд.

Мы договаривались — один поцелуй в щёку в обмен на возможность увидеть Академию. Отказаться сейчас означало вызвать новую сцену и лишиться шанса исчезнуть, пока они заняты вином.

Я наклонилась и быстро коснулась губами щеки Венса. Его товарищи загудели. Кто-то ударил ладонью по столу, высокий потребовал от проигравшего ещё две монеты, а Венс расплылся в довольной улыбке.

— Теперь верите?

— Верим, что она существует, — ответил Кейт. — Насчёт невесты ещё сомневаемся.

— Можете сомневаться молча, — сказала я и поднялась. — Где здесь уборная?
Венс тоже начал вставать.

— Я покажу.

— Думаешь, не справлюсь?

— Ты гостя.

— И всё же способна пройти несколько шагов без сопровождения.

— Это против правил.

— Уборная находится в закрытой части факультета?

За столом снова засмеялись. Венс покраснел.

— За той аркой, затем направо, — процедил он. — Не сворачивай к лестницам.

— Постараюсь сохранить брови.

Я отошла от стола, чувствуя его взгляд между лопаток. До арки шла спокойно, не ускораясь, не оборачиваясь. Повернула направо, миновала дверь с изображением золотой ладони и только тогда достала карту. Главная галерея тянулась вдоль всего корпуса. Западная часть находилась слева. По крайней мере, на моей карте.

В действительности коридор через несколько шагов разделился на три. Над первым проходом висела табличка «Тренировочные залы». Над вторым — «Галерея Заклятий». Над третьим не было ничего.

Я выбрала третий. Серебристая линия на запястье сразу стала горячей и пришлось остановиться. Кожу будто прижали к металлической кружке с кипятком. Не обжигало по-настоящему, но предупреждение оказалось достаточно убедительным.

— Хорошо, — прошептала я. — Первый раз поняла. Как только отошла метка остыла.

Я вернулась и вошла в галерею Заклятий. Та вывела меня к внутреннему двору, где десятки студентов тренировались удерживать над землёй каменные плиты. Одна плита сорвалась и разбила скамейку, но никто даже не обернулся. Дальше обнаружилась лестница.

Венс говорил не сворачивать к лестницам, значит, именно туда мне и требовалось.

Я поднялась на второй этаж, пересекла переход и через пять минут поняла, что снова стою над тем же внутренним двором, только с противоположной стороны.

Карта уверяла, что между мной и административной галереей находится одна прямая стена. Стена оказалась библиотекой высотой в четыре этажа.

Я спустилась, повернула дважды налево, прошла мимо зала с поющими дверными ручками и оказалась перед круглой комнатой, заполненной часами. Все они показывали разное время. До окончания обещанных Венсу двадцати минут оставалось то ли семь минут, то ли двое суток.

— Замечательно.

Мимо прошла девушка в синем плаще.

— Простите, как попасть в административную галерею?

Она указала назад.

— По переходу, затем вниз.

— Я пришла оттуда.

— Значит, галерея переместилась.

— Куда?

— Если бы я знала, сама бы не опаздывала на занятие.

Девушка убежала, а я выбрала следующий коридор, надеясь, что Академия не успеет перестроить его раньше, чем я дойду до конца. Через несколько шагов дверь впереди распахнулась, и наружу вышли двое мужчин, продолжавших спор, начатый в комнате. Первый был невысоким, седым и носил серую преподавательскую мантию; второй возвышался над ним почти на голову и держал в руке свёрнутый лист с таким количеством исправлений, что красные пометки проступали даже с обратной стороны.

На высоком мужчине не было ни мантии, ни факультетского плаща, только чёрная рубашка строгого кроя, чёрные брюки и длинный расстёгнутый сюртук. Тёмные волосы спадали ниже плеч, а светлые глаза резко выделялись на лице с жёстко очерченными скулами. На фоне бледного камня он действительно напоминал тень, которая по ошибке обрела человеческое тело и теперь не испытывала по этому поводу никакой благодарности.

Я слишком поздно заметила их и едва не налетела на седого преподавателя. Мужчина в чёрном успел перехватить меня за локоть и остановить, после чего сразу убрал руку, но ещё несколько секунд рассматривал серебряную гостевую метку, карту и моё лицо. Внимание было не праздным: он последовательно отмечал детали и словно проверял, какая из них первой выдаст ложь.

— Вы потерялись, — произнёс он, переведя взгляд на карту. Голос звучал спокойно, но вопросительной интонации в нём не было. — Причём некоторое время назад.

— Я осматриваю Академию. — Я сложила карту пополам, однако мужчина протянул руку и молча пошевелил пальцами, требуя показать находку. Его уверенность раздражала сильнее приказа, поэтому после короткой паузы я всё же отдала лист. — Иногда для осмотра полезно не знать, куда идёшь.

Он развернул карту и изучил обозначения. Затем перевернул её, обнаружил неприличный рисунок в углу и едва заметно приподнял бровь, тогда как седой преподаватель отвернулся и прикрыл рот кулаком. Ни один из них не торопился возвращать мою собственность.

— Это план восточных хозяйственных построек, снесённых четыре года назад. — Мужчина провёл пальцем вдоль линии, которую я принимала за главную галерею. — На их месте находится лечебный корпус, север указан с противоположной стороны, а эта лестница никогда не существовала. Последнее, вероятно, следует считать единственным достоинством схемы.

— Продавец уверял, что карта точная. — Я забрала лист из его руки и снова сложила, на этот раз рисунком внутрь. — Возможно, за четыре года Академия изменилась сильнее, чем его представления о честной торговле.

— Несомненно. Вы тоже изменили своё местоположение и ушли довольно далеко от разрешённого северного сектора. — Его взгляд опустился к серебряной линии у меня на запястье, которая пока оставалась светлой. — Сопровождающий знает, где находится его гостя?

— Разумеется, знает приблизительно. — Я спрятала карту и постаралась не посмотреть в сторону лестницы, чтобы не выдать направление. — Академия располагает к самостоятельным прогулкам, особенно когда её коридоры перемещаются быстрее студентов.

Седой преподаватель тихо хмыкнул, а мужчина в чёрном чуть повернул голову в его сторону. Этого оказалось достаточно, чтобы смешок прекратился, хотя в глазах старика сохранилось откровенное веселье. Высокий снова посмотрел на меня, и его лицо осталось совершенно неподвижным.

— Тогда ваш сопровождающий либо безответственен, либо потерялся раньше вас. — Он вернул мне выпавший из карты уголок бумаги и указал на коридор за моей спиной. — Северный сектор находится в противоположной стороне.

— Благодарю. — Я убрала обрывок в карман и сделала шаг в указанном направлении. — Приятно встретить человека, способного одновременно помочь и оскорбить.

— Я пока не сделал ни того ни другого. — В светлых глазах мелькнуло нечто похожее на интерес, но исчезло прежде, чем я успела определить его природу. — Если продолжите следовать этой карте, оскорблением займётся Академия.

Я обошла мужчин и успела сделать несколько шагов, прежде чем седой преподаватель заговорил за моей спиной:

— Декан Корвуд, комиссия ждёт. Или мне сообщить, что заседание откладывается ещё на полчаса?

Я невольно замедлила шаг. Значит, у мрачного обладателя сомнительного чувства юмора была фамилия Корвуд. И должность декана. Последнее хотелось узнать до того, как я поблагодарила его за способность одновременно помочь и оскорбить.

— Девушка, — окликнул декан, не повысив голоса. Я остановилась и обернулась, а он кивком указал на боковую лестницу. — Административная галерея сегодня находится этажом ниже. Если именно её вы так старательно не ищите.

— Я ищу уборную. — Я ответила слишком быстро, но менять версию было поздно. Корвуд посмотрел на меня с тем же выражением, с каким отец утром выслушивал мои рассуждения об интересе к будущему Венса. — Полагаю, она тоже переместилась вместе с остальной Академией.

— Если повезёт, вы найдёте обе. — Он развернул исписанный лист и сделал вид, будто разговор закончен. — Если не повезёт, гостевая метка хотя бы сообщит страже, где вас задержать.

— Вы необычайно помогли, декан Корвуд. — Я произнесла имя намеренно, показывая, что услышала обращение преподавателя. — Постараюсь не испортить вам заседание необходимостью объяснять, почему гостя исчезла после вашей подсказки.

Он поднял глаза от документа, но я уже направилась к лестнице. Седой преподаватель снова кашлянул, скрывая смех, а Корвуд ничего не ответил и не попытался меня остановить. Только между лопаток ещё некоторое время ощущался его взгляд.

Административная галерея действительно находилась этажом ниже.

Она отличалась от остальных частей Академии отсутствием студентов и таким количеством дверей, что у меня зарябило в глазах. На каждой висела табличка: «Распределение стипендий», «Учёт магических повреждений», «Разрешения на содержание фамильяров», «Жалобы на пространственные перемещения помещений».

Последняя дверь была приоткрыта. За столом сидел мужчина и диктовал писцу длинный перечень лестниц, которые не появились на положенных местах. Я пошла дальше.

Канцелярия вступительных испытаний обнаружилась в самом конце галереи. За высоким столом скучала женщина с серебряными очками на цепочке. Перед ней не было ни одного посетителя.

— Приём заявлений до четырёх, — сказала она, даже не поднимая головы.

Я посмотрела на часы над дверью.

Без десяти два.

Наконец-то хоть одни часы решили быть полезными.

— Я хочу подать заявление. — Я подошла к стойке и положила ладони на край, стараясь не оглядываться на коридор. Женщина наконец подняла глаза и окинула меня быстрым взглядом, задержавшись на гостевой метке. — На ближайшее вступительное испытание, если приём ещё не закончен.

— Бланк заявления, рекомендация наставника и разрешение главы рода. — Она перечислила документы с интонацией человека, повторявшего одну и ту же фразу несколько десятков раз в день. Не увидев перед собой ни папки, ни печати, женщина сняла серебряные очки и положила их на раскрытый журнал. — Что-нибудь из перечисленного у вас имеется?

— Большое желание учиться и способность добраться сюда по карте несуществующих хозяйственных построек. — Я попыталась улыбнуться, но служащая не оценила ни заслугу, ни шутку. — Если этого недостаточно, скажите, где получить бланк и каким образом подать его без разрешения семьи.

— Никаким, если у вас нет особого права. — Женщина уже потянулась к следующей стопке бумаг, явно считая разговор законченным. — Имя и род назовите, чтобы я проверила реестр, а после можете продолжать желать учиться за пределами канцелярии.

— Кайла Одэн. — Я едва успела произнести фамилию, когда её рука замерла над бумагами. Женщина снова надела очки, открыла толстую книгу с серебряными уголками и провела пальцем по свежим строчкам. — Извещение семье доставили вчера утром.

— Род Одэн получил серебряный статус после гибели участницы Отбора. — Служащая сверила дату, затем моё имя и наконец повернула журнал так, чтобы я увидела отцовскую печать возле записи о семье. — Значит, вы располагаете серебряным правом. Оно позволяет детям рода подать заявление и пройти вступительную проверку без разрешения главы семьи, но не гарантирует зачисления и не освобождает от требований Академии.

Несколько секунд я смотрела на строчку, в которой смерть Мейсы превратилась в основание для льготы. Она снова открывала передо мной дверь, но теперь мне предстояло решить, сумею ли я пройти через неё самостоятельно. Я выпрямилась и попросила дать мне необходимые бумаги.

— Проверка состоится через двенадцать дней. — Женщина достала из ящика бланк, лист с правилами и карточку предварительной регистрации. — Сначала определяют наличие дара, устойчивость магического резерва и общую подготовку. После этого комиссия предложит доступные факультеты, а на боевое направление вы попадёте только при достаточных показателях.

— Если дара не обнаружат, заявление аннулируют? — Я взяла карандаш, но не стала сразу касаться бумаги.

— При достаточных результатах общего испытания предложат небоевой факультет. — Она указала на три места для подписи и придвинула ко мне правила. — Здесь подтверждаете, что понимаете риск магического истощения, ожогов и иных повреждений во время проверки. За последние годы на вступительном испытании никто не погиб, хотя один поступающий до сих пор разговаривает исключительно рифмами.

— На фоне остального это почти реклама. — Я расписалась в первом поле и перешла ко второму, где требовалось подтвердить достоверность сведений о семье. — Уведомление о допуске отправят домой?

— По вашему желанию его доставят главе рода или оставят в канцелярии. Забрать документ можно лично через десять дней при предъявлении регистрационной карточки. — Служащая наблюдала, как я отмечаю второй вариант, но не задала ни одного вопроса. — Если потеряете карточку, восстановление записи потребует присутствия главы семьи.

На последнем листе следовало указать ближайших родственников, обучавшихся в Академии. Я внесла Рензела Одэна, второй курс факультета Охоты, а в следующей строке написала имя Мейсы и отметила её участие в Отборе. Карандаш задержался над датой смерти, которой я не знала, поэтому служащая молча поставила прочерк и забрала заполненные листы.

Она выровняла края, наложила прозрачную печать и прижала её ладонью. По бумаге пробежал серебряный свет, а строки на мгновение стали яркими, прежде чем снова потемнели. Женщина передала мне небольшую карточку с регистрационным номером и объявила, что заявление принято, а допуск будет зависеть от результатов проверки.

Она протянула маленькую карточку с номером. Я сжала её так крепко, что угол впился в ладонь.

— И это всё?

— Вы ожидали фанфары?

— Хотя бы попытку выгнать меня.

— Это произойдёт на испытании.

Карточка исчезла во внутреннем кармане плаща. Издалека донёсся звон — два часа. Я отсутствовала почти два часа и Венс наверняка уже обнаружил, что уборные Академии не настолько велики.

— Как быстрее вернуться в северный сектор?

Женщина снова надела очки.

— Сегодня — через Зал Основателей.

— А завтра?

— Завтра спросите завтра.

Я выбежала в коридор. Обратный путь занял меньше двадцати минут. Возможно, Академия решила, что достаточно поиздевалась. Возможно, мне просто повезло.

Венс ждал под статуей Кайроса Дер-Сона. Рядом стояли двое его друзей и женщина из караульного павильона. Выражение лица моего жениха обещало, что обратная дорога будет долгой. Заметив меня, он шагнул навстречу.

— Где ты была?

— Я заблудилась.

— На два часа?

— Здесь передвигаются лестницы.

— Я предупреждал не подходить к ним!

— Именно поэтому я не ожидала, что одна подойдёт ко мне.

Один из его друзей отвернулся, пряча улыбку. Венс не оценил.

— Я обошёл весь факультет. Стража собиралась объявлять поиск.

— Не стоило беспокоиться. Я встретила знакомую.

— Какую знакомую?

Я вспомнила первую фамилию, увиденную на списке канцелярии.

— Элли Морн. Мы вместе занимались историей.

— Я никогда о ней не слышал.

— Я тоже давно не слышала, поэтому мы разговорились. Она показала мне комнату, потом ушла на занятие, а я перепутала коридоры.

— На тебе гостевая метка. Ты должна была вернуться.

— Она ни разу не стала красной.

Это оказалось правдой. Почти. Женщина из павильона проверила линию на моём запястье.

— Нарушения границ не зафиксировано, — сообщила она. — Было одно предупреждение.

— Я случайно свернула не туда.

— Ожог есть?

— Нет.

— Значит, остановились вовремя.

Она потеряла интерес и ушла, а Венс всё ещё смотрел подозрительно.

— Почему ты не попросила кого-нибудь проводить тебя обратно?

— Просила. Меня дважды направили не туда, один раз к несуществующей уборной и один раз в лечебный корпус.

— Кто направил тебя в лечебный корпус? — спросил Венс слишком быстро. Он перестал осматривать гостевую метку и потянул за край перчатки, хотя та и без того сидела безупречно. — Студент или преподаватель?

— Высокий мужчина с длинными тёмными волосами, светлыми глазами и отвратительными манерами. — Я не собиралась сообщать, что уже знала его фамилию и должность, пока не выясню, почему одно описание заставило Венса забыть о моём исчезновении. — Он был в чёрном и разговаривал так, словно Академия принадлежит лично ему.

Венс едва заметно напряг челюсть. Один из его приятелей, стоявший возле статуи, тоже перестал улыбаться, но сразу отвернулся, когда я посмотрела в его сторону. Слишком узнаваемая внешность и слишком осторожная реакция означали, что встреченный мужчина был известен не только преподавателям.

— Он находился один? — Венс снова взял меня за локоть, на этот раз не удерживая, а отводя от подошедших студентов. — Назвал имя, факультет или причину, по которой решил с тобой разговаривать?

— Рядом был пожилой преподаватель, а сам он не представился. — Формально это оставалось правдой: фамилию я услышала не от Корвуда. Я чуть наклонила голову и с интересом посмотрела на Венса. — Ты собираешь сведения для стражи или ревнуешь меня к каждому грубияну, встреченному в коридоре?

— Я не ревную, а пытаюсь понять, кому пришлось исправлять последствия твоей прогулки. — Венс ответил привычно самоуверенно, но слишком тщательно расправил манжету, под которой не было ни единой складки. — В Академии достаточно людей, с которыми гостям лучше не сталкиваться без сопровождающего.

— Тогда в следующий раз составь список и приложи его к карте. — Я улыбнулась, показывая, что готова оставить тему, хотя его реакцию уже запомнила. — Сейчас можешь начать с имени человека в чёрном, если, конечно, речь действительно только о моей безопасности.

Венс отвёл взгляд к статуе Основателя и не ответил. Через мгновение он снова заговорил о закрывающейся библиотеке, словно именно она была причиной его раздражения. Я позволила сменить тему, потому что иногда отказ отвечать сообщал значительно больше самого ответа.

— Тогда идём. Ты обещал показать библиотеку, а вместо этого заставил меня два часа искать дорогу.

Возмущение Венса столкнулось с необходимостью признать собственную вину. Как я и рассчитывала, победило второе.

— Библиотека уже закрывается для гостей, — сказал он. — Придётся прийти ещё раз.

— Как жаль.

— Я могу договориться на следующей неделе.

— Посмотрим.

Он предложил руку, я взяла её. Пока мы шли к северным воротам, карточка канцелярии шуршала во внутреннем кармане в такт каждому шагу.

На выходе гостевая метка исчезла с кожи. Венс вызвал экипаж и всю дорогу рассказывал, как безответственно уходить одной в незнакомой Академии. Я соглашалась, извинялась и обещала больше никогда так не делать. Лгать становилось легче с каждой милей.

У ворот дома он помог мне выйти.

— Ты ведь действительно придёшь ещё раз? — спросил Венс.

— Разумеется.

— И не исчезнешь?

Я улыбнулась.

— А куда мне исчезать?

Он поцеловал мою руку и вернулся в экипаж. Дождавшись, пока чёрная дверца экипажа закроется и колёса скроются за поворотом, я достала регистрационную карточку. На лицевой стороне серебряными буквами проступили моё имя, номер заявления и дата вступительной проверки. До неё оставалось двенадцать дней, а документ о допуске можно было забрать только через десять, поэтому времени на подготовку и новую поездку в Академию почти не оставалось.

Родители не должны были узнать ни о заявлении, ни о серебряном праве, которым я воспользовалась вопреки прямому запрету отца. Мне предстояло выяснить содержание вступительной проверки, найти способ подготовиться без наставника и снова попасть в административную галерею, не заставив Венса заподозрить, что его ухаживания служат пропуском. Отдельно следовало понять, почему упоминание мужчины в чёрном так быстро лишило Ардела привычного спокойствия.

Я перевернула карточку, и на обороте постепенно появилась последняя строка: «Право рода Одэн подтверждено смертью участницы Мейсы Одэн». Формулировка не объясняла, как погибла моя сестра, зато безупречно объясняла, какую пользу государство сумело извлечь из

её смерти. Корона решила, что Мейса открыла нашей семье путь к безопасному будущему, а я собиралась воспользоваться этим путём, чтобы вернуться туда, где это будущее для неё закончилось.

(дополнительные сцены, больше карточек по истории и более близкое знакомство с персонажами доступно на моем бусте **Dark Raven**)

Глава 3

Самый безопасный факультет

Двенадцать дней — вполне достаточный срок, если нужно заказать новое платье, поссориться с родственниками или похоронить остатки семейного счастья.

Для подготовки к вступительным испытаниям Академии этого было катастрофически мало, особенно когда никто не собирался рассказывать, что именно там проверяют.

На следующее утро после поездки с Венсом я пришла к Тарену с тремя книгами, украденными из отцовской библиотеки, списком вопросов и уверенностью, что человек, незаконно печатающий газету, обязан знать всё.

Тарен осмотрел книги, затем мой список и только после этого — меня.

— Человек, незаконно печатающий газету, не обязан знать всё. Он обязан первым понимать, кто врёт.

Он тяжело вздохнул и взял верхнюю книгу двумя пальцами, прочитал название и раскрыл на странице с выходными данными.

— Напечатана за девять лет до последнего изменения правил. — Книга легла справа. — Эта написана женщиной, поступавшей с личным наставником и рекомендательным письмом ректора. — Вторая отправилась следом. — А автор третьей утверждает, что на практической проверке сражался с болотным чудовищем.

— Возможно, сражался.

— В год его поступления практическая проверка проходила зимой в закрытом корпусе.

— Очень настойчивое болотное чудовище.

— Или очень плохой автор.

Тарен отодвинул книги и развернул мой список вопросов. В редакции грохотал станок, наборщики спорили из-за заголовка, а возле сушильных верёвок кто-то ругался на капнувшую с листа краску. Тарен не обращал внимания ни на один звук. Он провёл посередине чистого листа две линии и написал над тремя получившимися столбцами: «Факт», «Источник», «Проверка».

— Сколько времени у тебя осталось?

— Двенадцать дней.

— Десять. Последние два ты потратишь на попытки скрыть всё от семьи и ссору со мной из-за выбранного личного предмета.

— Я ещё не получила список разрешённых вещей.

— Это никогда не мешало тебе начать спор заранее.

Он положил регистрационную карточку перед собой и постучал ногтем по серебряной строке.

— Ардел знает, что помог тебе подать заявление?

— Венс знает, что показывал мне Академию.

— Значит, нет.

— Он не спрашивал, куда я исчезла.

— Люди редко задают нужный вопрос, если уверены, что уже знают ответ.

Тарен вписал в первый столбец дату испытания, номер заявления и подтверждённое серебряное право. Всё остальное из моего списка отправилось во второй и третий.

— Ты ищешь не тех людей, — сказал он. — Поступившие расскажут, как прекрасно справились. Преподаватели повторяют официальные правила. Найди тех, кто провалился несколько

раз. Они злятся, преувеличивают и врут не хуже остальных, зато помнят, на чём именно их поймали.

— Очень надёжные источники.

— Поэтому тебе понадобится не один. Одинаковый рассказ двух знакомых ничего не стоит. Совпавшие детали от людей, никогда не встречавшихся друг с другом, уже можно проверять.

Он перечеркнул половину моих вопросов и рядом записал другие: что кандидат видел первым, какую инструкцию получил, в какой момент понял, что она неполна, кто находился в помещении, что изменилось после ошибки.

— Я хочу узнать, какие будут задания, — сказала я.

— Нет. Ты хочешь получить ответы до того, как услышишь вопросы. Академия вряд ли доставит тебе такое удовольствие.

— Тогда как готовиться?

— Учись замечать, что происходит на самом деле, а не то, что тебе обещали показать. И не изображай человека умнее, чем ты есть.

Я подняла голову.

— Звучит оскорбительно.

— Потому что ты опять слышала не то. Если чего-то не знаешь — не строй догадку так, будто это факт. Проверяющие простят незнание быстрее, чем уверенную глупость. Сначала смотри, потом выясняй условия и только после этого пытайся победить комнату, преподавателя или болотное чудовище.

Тарен выдвинул нижний ящик стола. Среди старых выпусков и перевязанных бечёвкой писем лежала тонкая пустая папка. На её обложке он написал: «Мейса Одэн», ниже поставил дату и номер моего заявления.

Я перестала улыбаться.

— Зачем?

— Затем, что всё найденное внутри Академии не должно оставаться только внутри Академии. Если увидишь документ, запоминай номер, печать, дату и людей, которые имели к нему доступ. Если получится снять копию — передавай её мне до того, как задашь первый неудобный вопрос.

— Думаешь, документ исчезнет?

— Думаю, закрытая система всегда сначала исправляет собственную ошибку, а потом объясняет, почему никакой ошибки не было.

Он вложил в папку лист с перечнем сведений, которые мы запросили после смерти Мейсы: протокол третьего этапа, состав группы, время выхода на маршрут, отметки целителей, запись наблюдателей. Возле каждого пункта оставалось пустое место.

— Одна копия будет храниться здесь, — продолжил Тарен. — Вторую я спрячу там, где Академия не станет искать. Даже если сведения пока ничего не доказывают.

Я коснулась кармана, в котором лежал связной жетон.

— Использовать его после испытания?

— Только если найдёшь нечто, что нельзя безопасно вынести или передать через Лиса. Сообщение «я поступила» не стоит одноразового жетона. Для хвастовства существуют обычные письма.

— Я не хвастаюсь.

— Разумеется. Ты исключительно фиксируешь историческую победу.

Он закрыл папку, но ладонь с неё не убрал.

— И ещё одно, Кайла. Поступить — способ попасть внутрь. Не позволяй временному способу превратиться в обязательство дойти до конца любой ценой.

— Я всего лишь сдаю вступительное испытание.

— Именно так обычно начинаются твои худшие решения.

Тарен вернул мне две книги. Третью, самую старую, оставил возле папки.

— Попробую проверить, какие правила изменились. Когда получишь официальное уведомление, принеси его сюда.

— Чтобы сверить условия?

— Чтобы убедиться, что ты не выбрала личным предметом нож, отмычку или неопубликованную статью об Академии.

— У меня значительно больше вариантов.

— Этого я и боюсь.

Следующие двенадцать дней я жила сразу тремя жизнями — в первой была младшей дочерью рода Одэн, скорбящей по сестре. Я сидела с матерью в гостиной, принимала посетителей и слушала соболезнования от людей, половина которых никогда не разговаривала с Мейсой. Женщины в чёрных платьях сжимали мои руки. Мужчины говорили о долге перед короной. На столе росла гора карточек, цветов и приглашений, которые теперь полагались серебряному роду. Некоторые гости приходили дважды — статус действовал быстрее дружбы.

Во второй жизни я была будущей женой Венса. Он присылал записки через день, напоминая о новой прогулке по Академии. В первой спрашивал, понравился ли мне факультет Заклятий. Во второй сообщал, что его товарищи считают меня «необычной». В третьей предлагал привезти учебник, если мне действительно интересна магия. Я согласилась.

Учебник оказался бесполезным, но встреча дала мне прекрасный повод запереться в комнате и «изучать интересы будущего мужа».

Мать была счастлива, отец — подозрителен. На шестой день он вошёл без стука и обнаружил меня над книгой «Основы магических потоков». Под ней лежал старый вариант вступительного испытания.

— Не ожидал, что слова Венса так тебя заинтересуют, — сказал отец.

Я прикрыла нижние листы локтем.

— Решила выяснить, чему его учат.

— И как?

— Теперь понимаю, почему он так любит рассказывать о верховой езде.

Отец взял учебник, перелистал несколько страниц.

— Мейса читала его перед поступлением.

Пальцы на обложке задержались. В его голосе впервые не было ни статуса, ни долга, ни будущего рода. Только усталость.

— Она готовилась сама? — спросила я.

— Рензел занимался с ней. Тогда его дар уже проявился, хотя он был младше. Мейсу это злило.

Я не знала. В нашем доме имя сестры всегда произносили рядом со словами «сильная», «одарённая» и «лучшая». Никто не говорил, что ей приходилось догонять младшего брата.

— Она боялась испытаний?

Отец закрыл книгу.

— Мейса ничего не боялась.

Это было неправдой.

Все чего-нибудь боялись. Просто Мейса лучше других умела не показывать.

Отец вернул учебник.

— Не засиживайся допоздна. — Он вышел.

Я подождала, пока шаги стихнут, и снова достала задания.

В третьей жизни я готовилась к поступлению. Пьяный учитель истории заставил меня выучить даты двенадцати войн, названия семи мирных соглашений и состав первого Совета. Старуха была указкой по пальцам всякий раз, когда я ошибалась в дробях. Бывший писарь продал мне пять вариантов экзамена, четыре из которых оказались одинаковыми, а пятый был составлен для поступающих двадцать лет назад.

Кроус встретил меня в трактире возле южных ворот. Он предложил выпить, попросил деньги вперёд, а через пять минут сообщил, что лично обучал верховного мага. Я уже собиралась уйти, когда он спросил:

— Знаешь, почему большинство проваливается?

— Недостаточно готовятся?

— Они готовятся не к тому.

Кроус был худым мужчиной с жёлтыми зубами и лицом человека, которого жизнь несколько раз роняла на камни. Перед ним стояла кружка тёмного пива. Вторую он заказал для меня и выпил сам после отказа.

— Академии не нужны люди, знающие все ответы, — продолжил он. — Для этого существуют книги. Им нужны те, кто не ломается, когда правильного ответа нет.

— Поэтому ты провалился три раза?

— Я ломаюсь очень красиво.

— Что происходит на испытании?

— Каждый год по-разному. Дают задачу. Смотрят, что сделаешь.

— Какую задачу?

— В первый раз меня заперли в комнате с четырьмя дверями. Надо было выбрать выход.

— И?

— Все двери возвращали внутрь.

— Тогда правильного выхода не существовало.

— Существовал. Окно.

— Ты не догадался?

— Догадался. Комната была на пятом этаже.

— И ты прыгнул?

— Поэтому второй раз поступал через год.

Я уставилась на него, а Кроус расхохотался.

— Шучу. На третьем этаже.

Уйти следовало сразу. Вместо этого я просидела с ним почти два часа.

Среди пьяной болтовни попадались полезные вещи. Испытание состояло из трёх частей. Общие задания отсеивали тех, кто не умел читать, считать и связывать причины с последствиями. Практическая проверка показывала, как поступающий действует под давлением. Последняя часть определяла дар и подходящий факультет.

— А если дар не проявился? — спросила я.

— Зависит от результатов первых двух частей. Умных оставляют на небоевых направлениях. Богатых тоже.

— А если человек и умный, и из серебряного рода?

— Тогда ему придётся постараться, чтобы его выгнали.

— Прекрасно.

— Не радуйся. Академия любит серебряные семьи, пока те делают, что им велят.

Он наклонился через стол. Запах пива ударил в лицо.

— И никогда не говори проверяющим, чего хочешь на самом деле.

— Почему?

— Потому что они обязательно дадут тебе противоположное.

Я заплатила половину обещанной суммы, но собеседника такая щедрость не впечатлила. Кроус потребовал остальное.

— Когда поступлю.

— А если провалишься?

— Тогда твои советы ничего не стоили.

Он долго ругался, но вслед не пошёл.

На десятый день я забрала из Академии уведомление.

На этот раз никаких женихов и прогулок не потребовалось. Для поступающих открыли отдельный проход в южной стене. Перед ним выстроилась очередь человек в сто. Богатые прибывали в экипажах, низшие — пешком. Некоторые держали документы в дорогих кожаных папках. Другие прижимали к груди единственный мятый лист, словно тот мог исчезнуть.

Серебряный знак рода позволил мне пройти без пошлины, в то время как женщина передо мной отдала последние три монеты. Я не чувствовала себя привилегированной — я чувствовала себя воровкой, расплачивающейся смертью Мейсы.

Уведомление предписывало явиться через два дня к седьмому утреннему колоколу. С собой разрешалось взять карандаш, воду и один личный предмет, не содержащий магии.

Я выбрала блокнот.

Тарен сказал, что это глупо.

— Они решат, что ты собираешься записывать задания.

— Я всегда ношу его с собой.

— Возьми что-нибудь сентиментальное. Медальон матери. Ленту сестры. Люди доверяют скорбящим девушкам.

— Я не собираюсь использовать Мейсу.

Он посмотрел на серебряную печать в уведомлении. Я тоже посмотрела — спорить было бессмысленно.

В день испытания я вышла из дома до рассвета — мать считала, что я еду к портнихе на первую примерку траурного платья. Отец — что после примерки встречу с Венсом. Венс был уверен, что я остаюсь дома из-за семейного траура.

Трое людей следили за моей жизнью и никто не знал, куда я направляюсь.

У южных ворот Академии толпились поступающие. Кто-то повторял даты. Кто-то молился. Мальчишка в слишком большой куртке плакал, уткнувшись в плечо матери. Девушка с золотыми заколками стояла отдельно от семьи и делала вид, что не замечает слугу, державшего над ней зонтик, хотя дождя не было.

Под аркой висели одиннадцать длинных знамён — по числу факультетов Академии. На тёмных полотнах виднелись узкий полумесяц Теней, глаз со стрелой Охоты, расходящиеся линии Заклятий, пламя Военного огня, волна Поток, замкнутый знак Защитных печатей и соединённые ключ с пером Артефакторики. Дальше располагались знаки остальных Академического обеспечения, Целительства, Боевая ковка, а над всеми знамёнами возвышался отдельный герб Дер-Сон, обозначающий уже и факультет для будущих преподавателей и саму Академию.

Цвета, форма наконечников и вышивка по краям различались, но никакого понятного порядка я пока не видела. Одни полотна висели ближе к центру, другие были отнесены к башням, а некоторые выглядели заметно богаче соседних. Возможно, расположение отражало академическую иерархию, однако купленная на рынке карта не объясняла даже собственных обозначений, поэтому ждать от неё сведений о факультетских традициях было бессмысленно.

Я заняла место в очереди. Впереди двое юношей обсуждали факультеты.

— Охота возьмёт не больше двадцати, — сказал один. — У них почти весь набор из родовых.

— Зато на Заклятия берут всех, у кого есть деньги.

— Не всех. Ардела же взяли.

Они рассмеялись — Венс обладал удивительным талантом становиться предметом шуток даже там, где его не было.

Очередь двигалась медленно. У входа проверяли документы, сумки и личные предметы. Одну девушку развернули из-за зачарованного кольца. Мужчина из низшего квартала спорил со стражей, доказывая, что медный амулет его сына не содержит магии.

Амулет вспыхнул у него в руках и спор закончился. Когда подошла моя очередь, проверяющий взял уведомление.

— Кайла Одэн.

Не вопрос.

— Да.

Он перевернул лист.

— Серебряное право подтверждено. Сопровождающие?

— Нет.

Проверяющий взглянул за моё плечо, будто родители могли прятаться в толпе.

— Глава рода уведомлён?

— В заявлении не указано, что это обязательно.

— Я спросил не об этом.

— Тогда нет.

Он поднял глаза. Несколько секунд мне казалось, что сейчас он позовёт стражу, отправит письмо отцу или просто разорвёт уведомление. Вместо этого проверяющий поставил печать.

— Зал двенадцать. Идите по белой линии. Не сходите с неё.

На камнях вспыхнула тонкая светлая полоса и я переступила порог. Сегодня Академия не казалась живой — она казалась голодной.

Белая линия провела нас через коридоры к огромному залу с рядами отдельных столов. На каждом лежали листы, перевёрнутые текстом вниз. Окна были закрыты ставнями. Под потолком плавали светильники, отбрасывая холодный ровный свет.

Я выбрала место в середине.

Справа сел юноша в дорогом сером камзоле. Слева — девушка с обветренными руками и коротко обрезанными ногтями. От неё пахло дымом и лошадьми.

Перед нами появилась женщина в тёмно-зелёной мантии.

— Первая часть испытания проверяет не объём ваших знаний, — произнесла она, — а способность ими пользоваться. На столах девять заданий. Время — три часа. Можно выполнить любое количество.

По залу прошёл шёпот.

— За неправильный ответ снимается вдвое больше баллов, чем начисляется за правильный. Если не знаете — не отвечайте. Если думаете, что знаете, — подумайте ещё раз.

Листы одновременно перевернулись и я взяла карандаш. Первое задание занимало половину страницы.

«В городе проживает десять тысяч человек. Совет может спасти от голода девять тысяч, если лишит продовольствия одну тысячу. По какому принципу следует выбрать тех, кто останется без пищи?»

Ниже оставили двадцать пустых строк.

Второе задание начиналось со слов:

«Докажите, что основатель Академии Кайрос Дер-Сон не существовал».

Третье предлагало рассчитать стоимость восстановления моста, но в условиях отсутствовали цены на камень и работу. Кроус был прав — правильных ответов не существовало. Я посмотрела на остальные столы.

Юноша справа уже быстро писал. Девушка слева сидела неподвижно, прикусив губу. Три часа, девять заданий и где-то среди них находилась причина, по которой Академия могла решить, что я ей не подхожу. Я снова прочитала первый вопрос, потом зачеркнула начало ответа, взяла новый лист и написала:

«Прежде чем выбирать тысячу голодающих, Совет обязан объяснить, куда исчезло продовольствие для десяти тысяч».

Светильник над моим столом вспыхнул ярче. Я замерла, ожидая, что женщина в зелёной мантии потребует объяснений или немедленно выгонит меня из зала, но ничего не произошло. Проверяющая ходила между рядами, не глядя на светильники. Над соседними столами они тоже менялись. У юноши справа свет стал красноватым. Над девушкой слева почти погас, когда она начала писать, а через минуту снова разгорелся.

Значит, следили не за правильностью ответа, а за чем-то другим. Я вернулась к заданию.

«По какому принципу следует выбрать тех, кто останется без пищи?»

Ни по какому. Если принять условия задачи, тысяча человек уже превращалась в цифру. Оставалось только решить, какую именно часть населения удобнее вычеркнуть. Я дописала:

«Если нехватка неизбежна, распределить продовольствие следует поровну. Тогда голодать будут десять тысяч, но ни один человек не получит право назначить чужую смерть».

Светильник стал почти белым и юноша справа покосился на меня.

— Что ты написала? — прошептал он.

— Что вопрос составлен неправильно.

— Там нужно выбрать низшие кварталы. Они производят меньше налогов.

— Тогда зачем спрашивал?

Он отвернулся. Через двадцать минут светильник над его столом стал багровым.

Я выбрала шесть заданий из девяти.

Существование Кайроса Дер-Сона доказывать не стала. Чтобы опровергнуть человека, именем которого назвали Академию, требовалось либо значительно больше трёх часов, либо значительно меньше здравого смысла.

В задаче о мосте написала перечень отсутствующих сведений: расстояние, материал, число рабочих, срок, магические повреждения и необходимость сохранить движение через реку. Стоимость считать отказалась.

В задании о преступнике, который мог спасти город, но должен был получить помилование, сначала подробно описала обе стороны, затем приписала:

«Совет, способный защитить королевство только с помощью одного преступника, заслуживает отдельного расследования».

Светильник мигнул. Мне показалось — одобчительно.

Последнее выполненное задание предлагало составить речь в честь участника, погибшего на Отборе. Я долго смотрела на пустые строки. Можно было написать о долге. О славе. О семье, получившей статус. Все слова уже лежали в голове, потому что последние двенадцать дней я слышала их ежедневно. Перо коснулось бумаги.

«Прежде чем благодарить погибшего за жертву, спросите, хотел ли он умирать».

Больше ничего не добавила. Когда прозвучал колокол, листы исчезли со столов. Не поднялись в воздух и не вспыхнули — просто лежали перед нами, а в следующее мгновение их не стало. По залу прокатился нервный шум.

— Первая часть завершена, — объявила проверяющая. — Кандидаты, чьи номера загорятся синим, проходят дальше. Красный свет означает окончание испытания.

На краю моего стола появился серебряный номер: двести семнадцать. Я смотрела на него так пристально, будто могла силой взгляда заставить стать синим. По залу один за другим вспыхивали огни — слева, впереди, за спиной. Номер юноши справа стал красным.

— Ошибка, — сказал он, но никто не ответил.

— Это ошибка! Мой отец заседает в торговой палате!

Красный свет не изменился. К столу подошли двое служителей. Юноша попытался спорить, потребовал назвать баллы и пригрозил Советом. Его вывели из зала прежде, чем он закончил перечислять родственников.

Номер девушки слева загорелся синим и она шумно выдохнула. Мой же оставался серебряным — хуже красного могла быть только неизвестность. Я уже начала прикидывать, удастся ли проникнуть в Академию другим способом, когда по цифрам пробежала голубая искра. Синий.

Плечи опустились сами собой.

— Прощедшим первую часть следовать за проводниками, — сказала женщина. — Остальным покинуть Академию.

Из почти двухсот человек в зале осталось меньше половины.

Практическая проверка проходила по одному.

Нас рассадили в длинной галерее перед двенадцатью одинаковыми дверями. Над каждой висел круглый циферблат без стрелок. Когда загоралась цифра, кандидат с соответствующим номером входил внутрь.

Иногда человек возвращался через несколько минут, иногда его выносили. Третьего вынесли без сознания. На одежде не было крови или следов ожогов, но пальцы продолжали сжиматься, словно он удерживал невидимую верёвку.

— Это нормально? — спросила девушка с обветренными руками.

Мы снова оказались рядом.

— Для Академии, наверное.

Дверь напротив распахнулась, и очередной кандидат вышел в галерею, держась рукой за стену. Он успел сделать два шага, прежде чем колени подогнулись, но сидевший ближе всех широкоплечий юноша поднялся и перехватил его под мышки. Служители отреагировали только после того, как незнакомец опустил потерявшего сознание кандидата на скамью и коротко потребовал принести лекаря.

— Они подошли бы сами, — заметила девушка, когда служители наконец унесли пострадавшего. Она посмотрела на юношу, вернувшегося на место, и кивнула на красную отметку над дверью. — Для этого здесь и сидят.

— Подошли бы, когда он уже ударился головой. — Незнакомец проверил, не осталось ли крови на рукаве, и снова сел, уперев локти в колени. Он говорил негромко и без раздражения, словно объяснял очевидную вещь. — Я стоял ближе.

На одном из циферблатов вспыхнул номер, и проводник назвал имя Керна Далвика. Юноша поднялся, размял пальцы и направился к двери, но возле нас на мгновение остановился. Его взгляд задержался сначала на Сайле, потом на моём блокноте, который я продолжала держать на коленях.

— Не верьте первой надписи, которую увидите внутри. — Керн кивнул в сторону комнаты, откуда вынесли кандидата. Он произнёс предупреждение без улыбки и не стал ждать благодарности. — Сначала осмотритесь и только потом решайте, какую задачу вам действительно дали.

Керн вернулся через девять минут с разбитыми костяшками и порванным воротом. Он сел на прежнее место, прижал к руке выданную служителем ткань и даже не посмотрел на циферблат, пока его номер не загорелся синим. Я записала фамилию на полях блокнота, потому что человек, помогавший незнакомцу быстрее назначенных для этого служителей, заслуживал как минимум одной строчки.

Она посмотрела на закрытые двери.

— Мой двоюродный брат проходил проверку два года назад. Сказал, там ничего опасного.

— Возможно, ему попалась хорошая дверь.

— Или он соврал.

— Родственники любят это делать.

Она усмехнулась и протянула ладонь.

— Сайла.

— Кайла.

— Я знаю.

Её взгляд скользнул по серебряной застёжке на моём плаще. После присвоения статуса отец заменил семейный знак на всей одежде, не спросив, хочу ли я носить новую эмблему.

— Газеты читаешь? — спросила я.

— Газеты не покупаю. На рынке ваши двери обсуждают громче, чем цены на хлеб.

— Дверь установила городская служба.

— Я не обвиняю.

— Все говорят, что не обвиняют, прежде чем начать.

Сайла пожала плечами.

— Моего брата забрали по жеребьёвке. Если он погибнет, нам тоже повесят что-нибудь красивое.

Я не нашла ответа, а на циферблате вспыхнул её номер. Сайла поднялась.

— Увидимся после.

— Ты уверена?

— Нет.

Она вошла в комнату и вернулась через семь минут. Рукав был разорван от плеча до локтя, на щеке появилась длинная царапина, но вышла сама.

— Хорошая дверь? — спросила я.

— Отвратительная.

Её номер остался синим, а через четверть часа загорелся мой. Я положила ладонь на ручку.

Кроус советовал не сообщать проверяющим, чего я хочу. Тарен — не изображать человека умнее, чем я есть. Мать сказала бы держать спину прямо. Отец — не позорить род. Мейса, вероятно, посоветовала бы открыть проклятую дверь и перестать тратить время.

Я вошла. За порогом находился архив — узкие стеллажи уходили под самый потолок. На полках стояли сотни коробок с документами. В центре комнаты лежал мужчина в форме академического писаря, а дверь за моей спиной исчезла.

— Конечно, — пробормотала я.

На дальней стене вспыхнули слова: *«До уничтожения помещения — пять минут»*.

Ниже возник отсчёт.

4:59.

4:58.

Я подошла к писарю и коснулась шеи. Пульс был — слабый, но ровный, а на его виске темнела кровь. Слева от тела валялась лестница. Верхняя ступенька сломана. Вероятно, мужчина упал, пытаясь достать коробку с верхней полки.

На полу лежали рассыпанные документы, в дальнем конце архива появился дым. Проверка. Не настоящий человек, не настоящий пожар, по крайней мере, я надеялась. На стене вспыхнула новая надпись:

«В архиве находятся единственные экземпляры документов о безопасности Академии. Вносить разрешено один объект».

Один объект. Человек или документы. Та же задача, что на бумаге. Только теперь цифры умели дышать и истекать кровью. Я взяла писаря под руки и попыталась поднять.

Тяжёлый.

Слишком тяжёлый.

Отсчёт показывал четыре минуты, а дым полз между стеллажами. На ближайшей полке вспыхнул край коробки. Я огляделась — окна отсутствовали, дверь исчезла, на стенах ни одной ручки или рычага, зато над центральным проходом висела толстая медная труба — противопожарная система. Я подтащила лестницу, подняла сломанную ступеньку и ударила по трубе. Ничего.

Ударила снова. Металл загудел и где-то наверху щёлкнуло, но вода не появилась.

3:21.

Огонь охватил ещё одну коробку. Я вскарабкалась выше и увидела вентиль, закрытый проволоочной пломбой. На ней стояла академическая печать: *«Не вскрывать без разрешения смотрителя».*

— Разумеется. — Закатила глаза и сорвала пломбу.

Вентиль не поддавался. Пришлось навалиться всем весом. Лестница качнулась. В первый момент я решила, что сейчас повторю судьбу писаря и проверяющим придётся выбирать уже между двумя телами.

Металл скрипнул, из трубы хлынула вода. Не вниз, а так удачно прямо мне в лицо. Я сорвалась с лестницы и упала на пол. Вода ударила по стеллажам, сбила несколько коробок и за секунды превратила документы в серую кашу.

Огонь погас, отсчёт остановился на двух минутах и архив исчез. Я лежала посреди круглой каменной комнаты. Никакой воды, дыма и писаря, только сломанная лестница рядом.

В стене появилась дверь и над ней загорелся вопрос: *«Почему вы уничтожили документы?»*

— Потому что безопасность Академии, зависящая от единственного бумажного экземпляра и запечатанного пожарного вентиля, существовала только до первого идиота со свечой.

Надпись исчезла. Появилась следующая: *«Вы нарушили запрет зрителя».*

— Он сможет подать жалобу, когда перестанет изображать труп.

Тишина. Затем дверь медленно открылась как будто не желая принимать поражение и в галерее меня ждала Сайла.

— Что у тебя было? — спросила она.

— Архив.

— Спасла документы?

— Утопила.

Она рассмеялась, а мой номер над дверью вспыхнул синим.

К последней части допустили сорок три человека.

Проверка дара проходила в круглом зале под центральной башней. В середине стояла неглубокая чаша из тёмного камня, наполненная прозрачной водой. Вокруг неё лежали двенадцать предметов: сухая ветвь, свеча, металлическая пластина, кость, зеркало, кусок ткани, наконечник стрелы, стеклянный шар и ещё несколько вещей, назначения которых я не поняла.

На возвышении сидели шесть преподавателей — ни мужчины в чёрном, ни пожилого наставника, встреченных мной в прошлый раз, среди них не было. Это радовало.

Кандидаты подходили к чаше по очереди. Одного мальчика вода обожгла пламенем. Огонь поднялся до потолка, но не причинил ему вреда. Преподаватель в красной мантии сразу сделал пометку.

У девушки с золотыми заколками сухая ветвь покрылась белыми цветами.

Сайла коснулась воды — наконечник стрелы сорвался с пола и вонзился в стену.

— Оружейная магия, — объявил один из проверяющих. — Вероятная Боеваяковка. Дополнительная проверка после распределения.

Сайла вернулась к кандидатам с таким видом, будто сама не решила, радоваться или бежать.

Назвали мой номер и я уверенно подошла к чаше.

— Ладони в воду, — велела женщина в серой мантии.

Я подчинилась — вода была ледяной.

— Закройте глаза. Не пытайтесь вызвать конкретный результат. Не думайте о желаемом факультете.

Очень полезный приказ — как только человеку говорят ни о чём не думать, мысли начинают толкаться громче обычного. Я представила Мейсу, отбор, протокол третьего этапа, закрытые архивы, Тарена, ожидавшего доказательств, но ничего не произошло — вода оставалась прозрачной. Свеча не вспыхнула. Ветка не зацвела. Кость не заговорила.

— Расслабьтесь, — сказала проверяющая.

— Я расслаблена.

— Вы сжимаете край чаши.

Я разжала пальцы. Прошла минута, затем вторая, кто-то из преподавателей зашуршал бумагами.

— Ранее проявления дара были? — спросил мужчина слева.

— Нет.

— В семье?

— Охота. Сестра и брат.

— Предвидение не наследуется напрямую, — заметила женщина в синем. — Повторить через проводник.

К воде поднесли прозрачный кристалл.

— Коснитесь.

Я положила палец на гладкую поверхность — кристалл стал серым. Не чёрным, не белым. а цветом грязного утреннего неба.

По краю чаши прошла тонкая тёмная полоса, но исчезла, когда один из светильников под потолком качнулся в сторону. Молодой помощник проверяющей наклонился ближе и проследил за водой, словно заметил движение, однако женщина в серой мантии уже записывала результат. Она решила, что потемнение вызвано тенью от моего рукава, и жестом велела помощнику не задерживать очередь.

Я тоже посмотрела на собственную тень, лежавшую у основания чаши. Ничего необычного в ней больше не было, а грязно-серый кристалл казался достаточно убедительным доказательством отсутствия выраженного дара. Через несколько мгновений воду сменили для следующего кандидата, и слабое колебание исчезло вместе с ней.

Двенадцать дней подготовки, две лжи семье, серебряное право, купленное смертью сестры и грязно-серый камень.

— Отойдите, очередь не ждет.

Результаты объявили вечером.

К тому времени мы провели в Академии почти двенадцать часов. Несколько кандидатов спали, прислонившись к стенам. Другие молча ходили по галерее. Родственники ждали снаружи, но их голоса до нас не доходили.

Сорок три имени появились на большой стеклянной стене и распределились между одиннадцатью факультетами. Я начала читать сверху: Тени получили троих первокурсников, среди которых оказался Керн Далвик; факультет Академии, готовивший будущих преподавателей, принял двоих; Охота — пятерых, Заклятия — пятерых, Боеваяковка — четверых, Военный огонь — четверых. Ниже располагались Потоки, Защитные печати, Целительство и Артефакторика, а последней строкой шло Академическое обеспечение.

Имя Сайлы находилось среди поступивших на Боевуюковку. Моего не оказалось ни у Охоты, ни у Заклятий, ни возле любого факультета, название которого хотя бы отдалённо напоминало возможность добраться до закрытых испытаний. Только в самом низу списка Академического обеспечения седьмой строкой было выведено: «Кайла Одэн».

Я перечитала имя несколько раз, но распределение не изменилось. Меня приняли в Академию без проявившегося дара, не отправили на повторную проверку и не оставили в резерве, поэтому первоначальная цель оказалась достигнута. Радость всё же смешивалась с ощущением, будто я прошла через тщательно охраняемые ворота и сразу оказалась перед следующей закрытой дверью.

— Поздравляю. — Сайла подошла ко мне и слегка толкнула плечом, заставляя отступить от стены, которую я едва не касалась носом. На её щеке всё ещё виднелась царапина после практической проверки, однако собственным распределением она выглядела довольной. — Ты поступила, хотя в чаше почти ничего не произошло.

— Академическое обеспечение — это что? — Я снова посмотрела на последние строки, надеясь найти пояснение между именами. Название звучало так, будто факультет придумали люди, желавшие спрятать его назначение даже от собственных студентов. — Они обеспечивают Академию чем именно?

Проходивший мимо старшекурсник в коричневом плаще услышал вопрос и остановился. Он перечислил ремонт учебных помещений, обслуживание общежитий, складов и столовых, контроль хозяйственных чар и работу с простыми артефактами. Закончив, студент смерил меня сочувственным взглядом и добавил, что особенно способным иногда доверяют зачарованные дымоходы.

— Ты хотела поступить и поступила. — Сайла подцепила пальцем край моей серебряной застёжки и отпустила, когда я нахмурилась. — Зато студенты обеспечения бывают почти во

всех корпусах. Вы чините то, что остальные ломают, поэтому вас редко спрашивают, зачем вы пришли.

Она была права. Студенты Академического обеспечения знали служебные проходы, склады и расписания, разговаривали с поварами, уборщиками, писарями и смотрителями — людьми, которые видели всё, но редко считали собственные наблюдения важными. Пока никто не знал, что именно я собираюсь искать, незаметность могла оказаться полезнее сильного дара.

— Кажется, мне действительно повезло. — Я отвернулась от списка и убрала блокнот во внутренний карман. Сайла улыбнулась, не понимая настоящей причины моего облегчения, а я не стала объяснять. — По крайней мере, дымоходы обычно не задают лишних вопросов.

Отец узнал о поступлении через два дня, когда Академия прислала официальное подтверждение серебряного права и требование явиться для оформления проживания. Я выбрала личное получение результатов, но никто не предупредил, что после зачисления копию документов автоматически отправляют главе рода. Письмо принесли за завтраком, и по выражению отцовского лица я поняла содержание раньше, чем он дочитал первую страницу.

Он медленно положил документ возле тарелки и прижал ладонью, словно бумага могла исчезнуть. Мать прочитала несколько строк через его плечо, побледнела и опустилась обратно на стул, продолжая держать салфетку с такой силой, что побелели пальцы. Я успела допить чай прежде, чем отец наконец поднял голову.

— Скажи, что это ошибка канцелярии. — Он говорил тихо, однако тишина требовала от меня гораздо большей осторожности, чем крик. Отец повернул письмо так, чтобы я увидела собственное имя и печать Академии. — Скажи, что ты не подавала заявление за спиной семьи через право, полученное после смерти Мейсы.

— Это не ошибка. — Я поставила чашку на блюдце и выпрямилась, хотя сильнее всего хотелось посмотреть на дверь. — Серебряное право позволяет мне поступить без разрешения главы рода, а вступительную проверку я уже прошла.

Отец ударил ладонью по столу, и посуда подпрыгнула. Мать вздрогнула, но не попыталась его остановить: она смотрела на меня так, будто Академия уже прислала второе извещение о смерти. Когда отец заговорил снова, сдержанности в голосе не осталось.

— Я запретил тебе приближаться к этому месту. Мы похоронили одну дочь, Кайла, а ты не дождалась даже возвращения её вещей и использовала гибель сестры как пропуск. — Он поднял письмо, скомкал край и сразу расправил его, словно боялся повредить официальный документ. — Я аннулирую зачисление сегодня же.

— Не сможешь. — Я кивнула на нижнюю часть страницы, где это наверняка было указано отдельно. Отец проследил за взглядом, прочитал нужную строку и замер. — Право принадлежит каждому ребёнку рода и не отменяется решением семьи.

Мать закрыла лицо руками, но плакала беззвучно. Несколько секунд она только качала головой, после чего попросила объяснить, зачем мне Академия, если раньше я никогда не говорила о желании там учиться. Я не могла назвать настоящую причину и потому выбрала единственную часть правды, которая не выдавала расследования.

— Я не хочу всю жизнь выбирать только из того, что вы считаете безопасным. — Я перевела взгляд с матери на отца и заставила себя не оправдываться. — Меня приняли на Академическое обеспечение, а не на факультет Охоты. Я не участвую в испытаниях, не выхожу на боевые тренировки и не собираюсь повторять путь Мейсы.

— Ты уже его повторяешь, потому что начала со лжи. — Мать опустила руки, и в её лице не осталось ни привычной строгости, ни надежды на союз с Арделами. Она выглядела только уставшей и испуганной. — Мейса тоже сначала говорила, что хочет всего лишь учиться.

Продолжать разговор после этого я не смогла. Отец кричал вслед, что не позволит мне уехать, а мать так и осталась сидеть над письмом, однако закон оказался сильнее родительского запрета. Через неделю я въехала в общежитие Академии, забрав с собой одежду, блокноты и связной жетон Тарена, которым пока не воспользовалась.

Первые дни прошли в запахе пыли, мыла и подгоревшей каши.

Факультет академического обеспечения занимал невысокое здание у восточной стены. Его студенты носили коричневые плащи, из-за которых представители боевых направлений называли нас Молю.

Наш декан утверждал, что цвет символизирует землю, устойчивость и практичность. Студенты утверждали, что на коричневом меньше заметна грязь. Я же изучала устройство хозяйственных чар, правила обращения с простыми артефактами, учёт магических повреждений и способы умирения мебели, получившей слишком много энергии.

На первом занятии шкаф попытался съесть преподавателя, на втором мы учились выводить пятна от зелий, на третьем меня отправили проверять светильники в западной галерее. Факультет оказался именно таким удобным, как я надеялась — нас почти не замечали.

Я могла пройти в учебный корпус с ящиком свечей. Оказаться у преподавательских кабинетов под предлогом проверки защитных знаков. Разговаривать со служащими, поварами, уборщиками и кладовщиками — людьми, которые видели всё и редко считали собственные наблюдения важными.

За первые пять дней в блокноте появились первые страницы: списки корпусов, имена наставников, расписание открытых тренировок, места, где студенты обсуждали ставки, названия архивов, к которым я пока не имела доступа.

Рензел обнаружил меня на шестой день, когда я выходила из прачечного корпуса с корзиной испорченных амулетов. За спиной прозвучало короткое и очень знакомое «нет», произнесенное тем особенным тоном, которым брат обычно отвечал ещё до того, как узнавал вопрос. Я обернулась и увидела его посреди дороги в зелёно-сером плаще Охоты.

За несколько месяцев Рензел стал выше или просто научился держаться так, будто любое пространство принадлежало ему по праву. Отросшие рыжие волосы падали на лоб, а тёмно-зелёные глаза остановились сначала на моём лице, затем на коричневой застёжке Академического обеспечения. Он ещё раз произнёс «нет», словно первое могло оказаться недостаточно убедительным.

— Тоже рада тебя видеть. — Я перехватила тяжёлую корзину удобнее и попыталась пройти мимо. Рензел немедленно забрал её, сунул первому попавшемуся первокурснику и велел отнести в ремонтную мастерскую. — Он вообще не с нашего факультета.

— Теперь временно с вашего. — Рензел проводил мальчика взглядом, пока тот не решил, что спорить не стоит. После этого брат взял меня за плечо и отвёл с дороги, освобождая проход для студентов. — Мать написала, что ты сошла с ума, но я решил, что она преувеличивает.

— Мама всегда старается верить в лучшее. — Я поправила смятую ткань на плече и посмотрела на него с тем же вниманием. — Как видишь, я учусь, никого не убила и даже несколько раз принесла пользу Академии.

— Ты поступила через серебряное право Мейсы. — При имени сестры пальцы Рензела дёрнулись, будто он собирался снова схватить меня, но передумал. Его голос стал тише, а взгляд ушёл в сторону прачечного корпуса. — Не произноси это так спокойно.

— Как мне его произносить? Каждый раз кричать или предварительно предупреждать окружающих? — Я почувствовала привычное желание ударить туда, где он особенно старательно прятал боль, и заставила себя остановиться. — Её имя не исчезнет только потому, что семье тяжело его слышать.

Рензел сжал челюсть и несколько раз провёл большим пальцем по застёжке перчатки. Он не стал спорить о Мейсе, вместо этого потребовал собрать вещи и пообещал лично отвезти меня домой. Уверенность, с которой брат распоряжался моей жизнью спустя несколько минут после встречи, почти вернула разговор в привычное русло.

— Я поступила законно и учусь на самом безопасном факультете Академии. — Я указала на коричневую застёжку, значение которой он наверняка уже знал. — Моя самая серьёзная опасность за неделю — шкаф, пытавшийся съесть преподавателя, но даже он ограничился рукавом. Чего именно ты боишься?

— Того, что ты никогда не останавливаешься там, откуда начала. — Рензел наконец посмотрел прямо на меня, и раздражение на его лице сменилось тревогой, которую он явно не собирался показывать. — Сегодня тычинишь светильники, завтра решишь проверить закрытый корпус, а через месяц убедишь себя, что обязана закончить всё вместо Мейсы.

Он подошёл слишком близко, будто расстояние позволяло удержать меня лучше прямого запрета. Я не отступила, но и не стала спрашивать, почему его опасения звучат так конкретно. Рензел знал меня достаточно хорошо, чтобы догадаться о направлении, однако пока не располагал ни признанием, ни доказательствами расследования.

— У меня занятие. — Я обошла его и направилась к корпусу, не ускоряя шаг. — Если хочешь продолжить разговор, придумай что-нибудь убедительнее слова «нет».

— Разговор не закончен, Кайла. — Рензел остался на дороге, но я чувствовала его взгляд до самых дверей. Он не пошёл следом и не попытался остановить меня силой, что для брата уже можно было считать первым небольшим поражением.

Через два дня выяснилось, что родственники были не единственными, кому не понравилось моё поступление.

Венс обнаружил меня в центральной галерее. Я возвращалась со склада с ведомостями на замену защитных пластин, а он спускался по широкой лестнице вместе с тремя студентами Заклятий. Увидев коричневый плащ, Венс остановился настолько резко, что идущий следом юноша едва не врезался ему в спину.

Его взгляд прошёлся по серебряной застёжке, стопке бумаг в моих руках и снова вернулся к лицу.

— Кайла?

— Приятно, что ты всё ещё меня узнаёшь.

Один из его спутников посмотрел на мой плащ и усмехнулся.

— Так это та самая невеста? Я слышал, Ардел привёл её в Академию, но не думал, что по служебному входу.

Двое остальных рассмеялись. Венс даже не повернул головы.

— Повтори, — предложил он.

Юноша перестал улыбаться.

— Это была шутка.

— Тогда тебе нетрудно будет повторить её перед деканом Академического обеспечения. Заодно объяснишь, почему студент Заклятий считает людей, обслуживающих его защитные контуры, недостойными парадного входа.

— Я не это имел в виду.

— Разумеется. Ты вообще редко имеешь в виду что-нибудь до того, как произнесёшь.

Венс наконец посмотрел на него. Тот пробормотал извинение — не мне, а почему-то Венсу — и поспешил вниз. Остальные последовали за ним, внезапно вспомнив о занятии.

— Твои друзья всегда так быстро учатся? — спросила я.

— Только когда понимают, что следующая проверка знаний может пройти на семейном приёме.

Он забрал у меня верхнюю ведомость, посмотрел на печать склада и вернул точно на прежнее место.

— Ты поступила.

— Уже больше недели назад. Для Заклятий вы удивительно медленно получаете сведения.

— Я получил их три дня назад. Мне понадобилось ещё два, чтобы убедиться, что это не очередная версия слуха, в котором ты одновременно стала студенткой, тайной помощницей ректора и причиной развода двух преподавателей.

— А третий день?

— Решал, насколько сильно обижен.

— И каков результат?

— Я пока раздумываю.

Он произнёс это легко, но большой палец уже несколько раз прошёлся по краю фамильного кольца. Я видела тот же жест во время нашей прогулки, когда Венс пытался скрыть раздражение.

— Почему ты ничего не сказала?

— Ты не спрашивал, собираюсь ли я поступать.

— Я также не спрашивал, намерена ли ты тайно покинуть город или приобрести таверну. Обычно люди сообщают о важных событиях без отдельного перечня вопросов.

— Родители не разделяют твоего мнения.

— Я не твои родители.

Ответ прозвучал слишком быстро. Венс замолчал, будто сам это заметил, затем поправил манжету.

— Почему Академическое обеспечение?

— Меня распределили сюда по результатам проверки.

— Это объясняет решение Академии, но не твоё.

— Моё решение заключалось в том, чтобы поступить.

— Зачем?

Я посмотрела на проходивших мимо студентов. Несколько человек уже замедлили шаг, с интересом поглядывая на нас. Венс заметил это одновременно со мной и отвёл к окну, где разговор скрывала широкая колонна.

— Я хотела получить возможность самой выбирать, чем заниматься, — сказала я. Это было правдой, хотя и не всей. — Здесь безопаснее, чем на боевых факультетах, а студенты обеспечения могут работать почти в каждом корпусе.

— Очень разумный ответ.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Я привык считать разумными ответы, после которых у меня не появляется ещё больше вопросов.

Он не потребовал продолжения. Не спросил о Мейсе и не попытался выяснить, что именно я делала во время нашей прогулки. Венс только посмотрел на коричневую застёжку, словно та могла сообщить больше своей владелицы.

— Академия разговаривает быстрее, чем люди, — сказал он. — В следующий раз постараюсь сообщить важную новость прежде, чем её перескажут три семьи и одна особенно деятельная тётушка.

— Зачем? Чтобы ты заранее подготовил правильную версию?

— Чтобы у тебя вообще была собственная версия к тому моменту, когда остальные придумают свою.

Из-за колонны донёсся смех. Трое студентов у лестницы смотрели в нашу сторону. Венс повернулся, и они сразу нашли более интересным витраж под потолком.

— Мне не требуется защита от каждого человека, назвавшего меня Молью.

— Знаю. Если бы требовалась, в Академии быстро не осталось бы студентов.

— Тогда что ты делаешь?

— Напоминаю им, что незаметность и беззащитность — разные вещи.

Он отступил, освобождая мне дорогу, но перед этим ещё раз задержал взгляд на плаще.

— Коричневый тебе не идёт.

— Декан уверяет, что он символизирует землю и устойчивость.

— Я не о цвете. Мне не нравится, что в нём люди решают тебя не замечать.

Венс слегка поклонился и направился к лестнице, оставив меня со стопкой ведомостей и неприятным пониманием, что последняя фраза понравилась мне значительно сильнее, чем следовало.

Главное ограничение Отбора я обнаружила случайно. Точнее, случайно узнала, насколько мало понимала правила мероприятия, о котором успела написать несколько статей. В конце третьей учебной недели на центральной площади установили чёрную регистрационную доску, и вокруг неё сразу собралась плотная толпа студентов.

Золотая надпись сообщала о начале предварительных факультетских соревнований и регистрации кандидатов на зимний Отбор. Ниже перечислялись даты, требования, сроки медицинской проверки и количество мест, однако большую часть текста закрывали чужие плечи. Я дождалась, пока несколько студентов отойдут, после чего сняла с края доски регистрационный лист.

До начала соревнований оставалось несколько месяцев. Этого времени могло хватить, чтобы подготовиться, изучить правила и выяснить, насколько путь нынешних кандидатов совпадал с тем, который прошла Мейса. Впервые передо мной находился не слух и не обрывок платной трансляции, а официальный способ попасть внутрь той же системы.

— Положи обратно, Моль. — Стоявший рядом студент в красном плаще выдернул лист из моих рук и поднял выше, не позволяя сразу забрать. Двое его приятелей рассмеялись, заметив коричневую застёжку Академического обеспечения. — Тебе он не понадобится.

— Я ещё не закончила читать. — Я протянула руку, но студент вместо листа указал пальцем на нижнюю часть объявления. Строка была напечатана настолько мелко, что из толпы её почти невозможно было заметить. — Если факультетам не хватает бумаги, можете попросить нашу мастерскую.

— Бумаги хватает, а подходящего факультета у тебя нет. — Он постучал ногтем по примечанию и наконец отпустил лист. — Читай до конца, прежде чем решишь прославиться.

Внизу было указано, что к предварительным соревнованиям допускаются только учащиеся семи боевых факультетов Академии Дер-Сон. Я перечитала условие, затем подняла взгляд на перечень факультетских регистрационных столов и впервые заметила, что среди них действительно отсутствовали Боевая ковка, Целительство, Академическое обеспечение и факультет будущих преподавателей. Артефакторика, вопреки её мастерским и лабораториям, входила в боевую семёрку и имела собственную очередь кандидатов.

— Академическое обеспечение не участвует? — Я всё ещё держала лист, хотя ответ уже находился перед глазами. Студенты в красном снова рассмеялись и посоветовали прийти после соревнований, когда потребуется ремонтировать арену. Они ушли, а придуманное ими «Моль» осталось значительно дольше.

В канцелярии мне сообщили только то, что для поступления на боевое направление требуются высокие показатели. Платные трансляции почти всегда показывали представителей тех же семи факультетов, однако я принимала это за стремление публики смотреть на наиболее зрелищную магию, а не за обязательное условие участия. Официальные статьи обсуждали кандидатов, этапы и погибших, ни разу не объясняя очевидное для студентов правило людям за стенами Академии.

Я осталась перед доской и ещё раз прочитала мелкую строку, надеясь обнаружить условие, исключение или хотя бы неудачно поставленную запятую. Ничего не изменилось: Академическое обеспечение не имело права выставлять кандидатов на предварительные соревнования. Попасть на Отбор с моего факультета было невозможно.

Однако мысль о переводе даже не возникла. Я поступила в Академию ради доступа к её внутренней жизни, а не ради попытки повторить путь Мейсы, поэтому менять безопасный факультет на боевой из-за одного ограничения казалось не только опасным, но и бессмысленным. Чтобы узнать, что происходило с участниками, необязательно становиться одной из них.

Студенты Академического обеспечения обслуживали аудитории, общежития, склады, защитные системы и тренировочные площадки. Мы проходили через служебные двери, которых не замечали будущие великие маги, и получали задания почти во всех корпусах Академии. Если парадный вход в Отбор оказался закрыт, следовало найти служебный.

(дополнительные сцены, больше карточек по истории и более близкое знакомство с персонажами доступно на моем бусте **Dark Raven**)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.